

О НОВОМ

(ВВЕДЕНИЕ В СЕМИНАР V ЖАКА ЛАКАНА)

ЖАК-АЛЕН МИЛЛЕР*

I. Перспектива нового

Прежде чем приступить к изучению Пятого семинара, мы должны выбрать угол взгляда на то, что предстоит нам узнать, то есть перспективу. Эта перспектива не является единственной, она не уникальна.

1. Принцип повторения и условие новизны***Множественность истины***

Когда я держу в руках эту книгу, то размышляю о том определении, которое Лакан дает истинам, утверждая, что они представляют собой геометрические тела, а не плоскости, следовательно, выступают в трех измерениях. Иначе говоря, одну и ту же истину можно рассматривать под разными углами.

Конечно, плоские истины существуют. Примером могут служить истины здравого смысла, в которых находит выражение народная мудрость. Они записаны и кодифицированы. Но истины такого рода не имеют ничего общего с теми, о которых у нас с Вами идет речь. Наши истины обладают рельефом, и благодаря этому – множеством перспектив. И данное положение принципиально.

Мы не вводим эту множественность как дополнительное украшательство, которое было бы способно чему-либо придать вес или избавить от удушающего сужения. Множественность нераздельно связана с самим понятием истины.

Существует понятие всеобщности истины, говорящее о том, что сама по себе истина единственна, а ее множественность свидетельствует об ошибке. Гораздо интереснее обратная точка зрения: истина множественна, а вот ошибка (почему бы и нет?) как раз и одна. Многие постоянно совершают одну и ту же ошибку. По мысли Лакана, совершают одну и ту же ошибку, сводя Символическое к Воображаемому, символическую комбинаторику – к простому присутствию образа.

Естественно, я потом сглажу это свое несколько выпященное начало. Я его исправлю, напомнив, что для Лакана существует объективность структуры. Это и есть то главное, что он разрабатывает в своем Семинаре.

Опыт «Того Же Самого»

Итак, повторю, для того чтобы читать этот семинар, необходимо отыскать и обозначить некую перспективу. На тех маленьких розовых карточках,

* Жак-Ален Миллер – психоаналитик, член Школы Фрейдова Дела, декан факультета психоанализа университета Париж VIII.

что лежат перед Вами, значит: «*ориентация в чтении*». Впрочем, конечно, вы вполне можете читать текст семинара так, как вам заблагорассудится, руководствуясь своей собственной перспективой. Что касается меня, то я это буду делать по-своему. И, раз уж мне суждено провозгласить свою перспективу, в соответствии с которой я собираюсь на протяжении ближайших двух дней читать Пятый семинар, то, что ж, скажу, что речь пойдет, прежде всего, о *перспективе нового*.

Но прежде замечу, что едва я начинаю вчитываться в содержание семинара, как у меня сразу же возникает чувство, что Лакан буквально скупаем терзаниями. Я это ощущаю потому, что разделяю эти терзания, возможно, как и вы, поскольку они связаны с очень не простым вопросом, при каких условиях вообще может идти речь о чем-то новом.

Если говорить о психоанализе в целом, то этот вопрос особенно злободневен, ибо вся психоаналитическая практика разворачивается под знаком повторения, что само по себе противоположно новому. Другими словами, ее можно понимать как нескончаемый опыт «Того Же Самого». Кульминацией в этом опыте становится высвобождение все «Того Же Самого». Однако в ходе анализа предпринимаются также и попытки умерить постоянное его возвращение. Нам рассказывают всевозможные истории, посвящают в разные происходившие в жизни события... В этих рассказах всегда есть место для непредвиденных происшествий, становящихся своего рода анекдотами. И, конечно, лечение всякий раз протекает по-разному. Все это, вроде, нас куда-то уводит. Однако в финале мы вновь имеем дело с обнаружением «Того Же Самого». Порой возникает ощущение, словно была сделана некая второстепенная ремарка, после которой мы снова вернулись к основной линии.

Пациенты, которые лишены возможности находиться в непосредственной близости от своего аналитика и которые лишь временами живут на преодолимой дистанции от него, вынуждены как бы уплотнять реестр своих анекдотов. И, не посещая сеансов вот уже месяцев шесть или даже более того, они начинают, вернее, продолжают говорить точно с того места, где остановились в прошлый раз, другими словами, где они находятся в своем анализе.

Таким образом, под ползущей рутинной дней расположен некий неподвижный массив, или некая смутная неустроенность. Этот неподвижный массив всегда здесь. И все психоаналитическое образование, а также все многообразие психоаналитического опыта оказываются прогрессивным образом стремящимися к неким основным типам, то есть к единой структуре. И мы замечаем, что под наблюдаемым многообразием всегда находится одно и то же пространство бессознательного, которое, говоря словами Лакана, сначала находилось в ведении маленькой девочки, а позже старушки. По определению, речь всегда шла о «Том Же Самом». Не говоря уже о том, что сам по себе психоаналитический опыт постепенно и нас самих выстраивает как «То Же Самое», но, правда, ближе к концу, уже с некоторым пониманием того, что же именно сохраняется в качестве неизменного.

Да, у психоанализа есть такая цель – достичь ядра. В это ядро пытаются втиснуть бытие, его пытаются исследовать на плотность, на вес и на инерцию.

Именно отсюда вытекают и вся важность вопроса о новом, и сомнения относительно факта, возможно ли это новое вообще или нет. В практике оно иногда именуется «психическим изменением».

Нам с вами прекрасно знаком этот, выведенный Фрейдом, принцип повторения и то, как Фрейду удалось уберечь его от критики, позицию которой по отношению к нему занимала практика. Ведь основатель учения вполне мог просто сказать: возвращение «Того Же Самого» – не что иное, как ошибка психоанализа. И все, баста. Но нет, Фрейд вывел отсюда законы. А для того самого чувства топтания на месте, которое постоянно сопровождает процесс психоанализа, создал термин *working through* – «проработка».

Но рядом с принципом повторения просто невозможно не выработать (не думаю, что это можно назвать «принципом», скорее, «условием») условие новизны – *nouveaute*, или даже «*nouvellete*», если позволить себе прибегнуть к очень древнему слову, позволяющему еще более оттенить значение нового.

Принцип повторения и условие новизны – вот, собственно, то, что, по моим представлениям, разрабатывается Лаканом в Пятом Семинаре «*Образования бессознательного*». И, наблюдая, как строится работа Семинара, мы становимся свидетелями того, как это делается, *каким образом мыслится новое в психоанализе*. Я выдвигаю идею, что именно затем, чтобы разрешить этот вопрос, не дающий Лакану покоя, он начинает свою работу в Семинаре с категории «*Witz*» (остроты – нем.).

Новый способ говорить

Когда мы упоминаем *Witz*, имеется в виду *новое в высказывании*. Первый пример, от которого отталкивается Лакан, – слово *фамиллионер*, изобретенное Генри Гейне; как мы видим, абсолютно новое слово, которое и на самом деле ранее никогда не произносилось. Таким образом, по крайней мере – в высказывании новое оказывается вполне возможным, что нас весьма приободряет. Так, говоря о конце анализа, Лакан не будет более связывать его с психическим изменением, но именно со способностью к красноречию. Окончание анализа, как и начало, вновь замыкается на высказывании.

Красноречие как понятие является достаточно традиционным определением такого искусства говорения, как риторика, что, конечно же, Лаканом не упускается из вида. В работе «*Инстанция буквы*» он ссылается на Кинтильяна, вновь обращаясь к нему и в своем Семинаре.

Кинтильян, этот великий наставник, – большой знаток античной риторики, который нас поучает, каким образом надо говорить, чтобы соблазнить или убедить, как суметь одержать верх, даже если это победа несправедливости над справедливостью. Он раскрывает обороты, которые используются для того, чтобы начать говорить или убедительно развить свою речь дальше. И все это является красноречием, представленным в виде кода, подобного тому, который используется, скажем, для шахматных партий. Так вот, красноречие, над которым размышляет Лакан, говоря об окончании анализа, не является красноречием риторики. Оно не представляет собой произнесения изысканных речей. Это красноречие – в максимальной степени приближенное к примеру, который мы находим в слове *фамиллионер*, т.е. красноречие неологизма.

Давайте попробуем придать слову, являющемуся неологизмом, более широкое значение, понимая под ним новую манеру говорения, новый способ говорить, *новый подход*.

Подобная черта нередко прямо рвется наружу в выступлениях аналитиков Школы. Я думал об этом, слушая их несколько дней тому назад. Каждый целиком направлен в сторону своего неологизма. И, возможно, самыми чуткими являются как раз те, кто потихоньку, не спеша, изменяет прямо на ваших глазах кажущиеся такими естественными свойства вокабул.

Это и есть, если угодно, та веселая вещь, которую Лакан провозглашает в первой главе своего Семинара. Семинар здесь объявляет хорошую новость: есть новое в высказывании! Попробуйте извлечь из этого суть.

2. Смысл заключен в отклонении от нормы

Новость, небывалое сообщение

Лакан подводит нас к фрейдовскому «*Witz*», вводя его как некое *сообщение* – небывалое, неуместное. Наряду с этими определениями он использует еще и слово «уместное», придавая свойственный ему вес, поскольку оно используется лишь тогда, когда Лакан говорит о метафоре и метонимии. Слово же «нелепое» (применительно к сообщению), которое мы встречаем на странице 27¹, на самом деле, предполагает очень серьезное отношение, ибо оно соответствует парадоксальному высказыванию, сообщению спонтанному (с.30), что-то собой оглашающему. Множество раз Лакан возвращается и к понятиям абсолютно фрейдовским, называя этот феномен «неожиданным», «неподдающимся классификации», возможно, даже самой изысканной из оговорок, или самым «нелепым поступком», «глупостью», «ошибочным действием», «ошибкой», – но в данном случае все эти способы именованья данного сообщения разве что вторичны.

Известно устоявшееся представление, что Лакан методично прорабатывал наиболее значимые работы Фрейда с тем, чтобы их прокомментировать своим слушателям. Он продвигается очень медленно, следуя трудам Фрейда, подвергая их один за другим серьезному испытанию. И, значит, мы должны готовить себя к столь же скрупулезной аналитической работе. Однако нет, как раз наоборот, – мы испытываем совершенно особое ликование при чтении первых его Семинаров, благодаря встрече с обилием новых означающих.

В этом и заключается призыв Лакана, который слышится в его первых Семинарах, – своего рода крик души, зовущий нас к достижению некоего нового означающего. Его ожидания, конечно же, связаны не с Богом, который без труда сумел бы продвинуться вперед в этих потемках, и знаменьям которого мы могли бы с трепетом внимать. Лакан ждет не Бога. Он ждет то единственно важное, чего и следует ожидать в анализе, а именно – новое означающее, выскальзывающее из кода.

И, собственно говоря, поиски нового означающего уже перед нами – они здесь, в этом Семинаре. Погружаясь в текст, мы убеждаемся, что *исключи-*

¹ Здесь и далее номера страниц указаны в соответствии с русским изданием Семинара – *Прим. пер.*

тельно те означающие, которые выскальзывают из кода, действительно создают смысл. Во всех других случаях мы знаем только с означающими, уже и без того хорошо знакомыми. И по их поводу так и подмывает сказать, что *asinus asinum fricat*: означающее-дурак видит означающего-дурака издали, и от одних к другим только и следуют, что одни приветствия.

Примем открытое нами как абсолютно новый подход, подтверждение чему находим на странице 27: «Ценность сообщения зиждется на его отличии от кода»². Позволю себе небольшое изменение и предложу собственную версию этого положения: ценность заключена в *отличии*. Это маленькая поправка имеет далеко идущие последствия, поскольку она привносит смысл, или даже то, что может таковым оказаться, во все, что отклоняется от нормы. Таким образом, смысл заключен в отклонении от нормы.

Со стороны маньеризма

Последнее утверждение – далеко от классической концепции смысла. Говорить о писателе как о классике позволяет его способность в отношении с языком быть тем, кто одновременно создает нормы и в то же время уважает уже существующие. В области классики язык литературный, или художественный, подвергается делению на жанры, и если вы создаете трагедию, то вопрос о том, чтобы здесь же поместить буффонаду, даже не возникает. Однако это требование не имеет отношения к общепринятым нормам, касающимся языковой продукции в целом. Вот, собственно, почему Лакан говорит, что психоанализ, ему близкий, скорее, относится к маньеризму. Он делает данное признание пару раз, но далее свою мысль не развивает.

Почему же маньеризм? Маньеризм достигает свойственных ему эффектов антиклассическим способом, хотя, конечно же, некая норма все же существует. И, основываясь на этой норме, маньеризм неожиданно создает удивительные продолжения. Если бы я сейчас находился в Париже, то взял бы в своей библиотеке книгу Уго Онура, посвященную маньеризму и в свое время производящую на меня неизгладимое впечатление. Возьмем в качестве примера «Мадонну с младенцем»³ Пармиджанино, созерцая которую, вы, замороженные, видите диспропорционально длинную шею, поднимающуюся над плечами наделенного изгибами тела, и все это так подчеркнуто, что сближается с гротеском, если придерживаться классических канонов. Так вот, именно это отклонение от нормы, это прекрасное уродство и доставляет прибавочное наслаждение. Такую отсылку Лакан предпринимает, стараясь точнее донести до нас смысл *Witz*. Во всяком случае, этот образ более гармоничен, чем творения Иеронима Босха. Это вам не его разорванное, расчлененное тело. В самом чреве гармонии мы обнаруживаем колебание некоей чрезмерности. «Мадонна» Пармиджанино – изобразительный неологизм. Правда, на месте сжатия

² В русском издании Семинара: «Весь секрет сообщения именно в отличии его от кода и состоит». Далее по тексту вы будете неоднократно встречать ссылки, в которых отмечаются разночтения в переводе тех или иных цитат из Семинара Лакана с русским изданием (перевод А. Черноглазова). Переводчики данной статьи вовсе не считают, что предлагаемые ими варианты перевода – лучше или более точны. Поэтический слог Лакана вообще не дает переводчику возможности быть «точным», а лучше сказать «плоским», ссылаясь на многомерность истины, о которой пишет Миллер в данной статье. – *Здесь и далее прим. пер.*

³ Чаще упоминается под названием «Мадонна с длинной шеей».

мы обнаруживаем удлинение – удлинение анатомическое, которое, на мой взгляд, несомненно имеет фаллические коннотации.

Отклонение от нормы находится в самом основании смысла. Серьезное отношение к этому утверждению открывает перспективу, которую, используя свойственный нам код, мы называем Лакановским учением.

Последовательность неологизмов

Если приглядеться внимательнее, каким образом развивается преподавание Лакана, то оно представится нам в виде последовательности неологизмов. Лакан острит над Фрейдом. Все его преподавание приобретает ценность и способно оказывать влияние исключительно в контексте такого рода отступлений в сторону, своеобразного отклонения от нормы, благодаря которому мы получаем возможность понять, в чем именно заключается манера Лакана, позволившая ему занять собственное место в психоанализе.

Возможно, я преувеличиваю, но, на мой взгляд, в свое время психоанализ достаточно глубоко увяз в дерьме, по крайней мере, если иметь в виду то, что происходило за пределами кабинета самого Фрейда, точнее, за пределами комнаты ожидания, где вечерами по средам собирались некоторые «потерявшие пристанище», признававшие в нем человека истины. Это был плот «Медузы»⁴ для терпящих бедствие: днем – для пациентов (некоторых из них мы с вами знаем), а по средам, вечерами – для сподвижников и коллег⁵. За пределами же этого ограниченного круга, представлявшего собой своего рода «плот медузы» для терпящих бедствие или своего рода «поле чудес», остаток, увы, являл собой мутные воды, пожалуй, даже трясины.

Лакан это понимал, в чем и проявилась его прозорливость. Тогда он оставил этот топкий дворец и предпочел расположиться в другом месте.

Несмотря на то, что море порой вызывает омерзение (в нем могут плавать отбросы, изрыгаемые кораблями и махиной городов), тем не менее, чайки ищут там, куда бы им примоститься. Порой они могут расположиться на малюсенькой жердочке или крохотном мысу, лишь бы он выступал над поверхностью воды. Именно это Лакан и сделал: он устроился в сторонке, на мысу. Вскоре, однако, мыс стал для него тесноватым.

Тогда он нашел Леви-Стросса, Якобсона, набрел на структуру языка. Мыс стал более привлекательным, поскольку теперь мог служить опорой для рычага, своего рода точкой Архимеда.

Итак, он отправился расположиться в сторонке. В этом заключался, если угодно, его собственный неологизм, *Witz* Лакана.

Необходимо точно понимать, к каким именно результатам это приводит. Речь не идет просто о знании, существует ли такое-то место в работах Фрейда

⁴ Речь идет об известной картине Жерико «Плот "Медузы"», в основу сюжета которой положено реальное событие: в июле 1816г. фрегат «Медуза» потерпел крушение недалеко от островов Зеленого Мыса. Капитан корабля вместе с офицерами уплыли на шлюпках, матросам и пассажирам пришлось спасаться на плоту. Двенадцать дней плот мотало по океану. Из ста пятидесяти потерпевших выжили только пятнадцать человек. На тринадцатый день их подобрало судно «Аргус». Придавая частному событию глубокий символический и исторический смысл, Жерико раскрывает в картине сложную гамму человеческих чувств – от полного отчаяния и апатии до страстной надежды на спасение.

⁵ Имеются в виду знаменитые члены созданного Фрейдом кружка, куда входили, в частности, А.Адлер, К.Юнг, О.Ранк, К.Абрахам и др.

или его там нет, действительно ли он сказал то-то или же никогда ничего подобного не утверждал, а на самом деле говорил нечто совершенно иное и т.д. Лакан проявляет себя в другом. Надо отчетливо представлять, что все, о чем его усилиями говорится в данном Семинаре, представляет, в общем-то, некое общепризнанное, устоявшееся в психоанализе знание. И вот здесь-то Лакан и проявляет себя. В течение всех своих первых Семинаров он придерживается собственного подхода, граничащего с неологизмом, отклоняющегося от всякой нормативности, сравнительно со всем остальным. Его референтом становится здесь Другой (*Autre*), с большой буквы *A*, большой Другой *IPA* (*Международной Психоаналитической Ассоциации*).

И на самом деле это замечательный щелчок по носу всем сильным мира сего от психоанализа.

Санкция Другого

Теперь – внимание! Лакан утверждает, что остроумие можно считать состоявшимся только при условии, что Другой его признал. Таков лейтмотив первых лекций Семинара: *Witz* должно быть санкционировано Другим. Страница 27: «Каким же образом отличие (сообщения – от кода) санкционируется? Вот здесь-то и возникает тот второй план, о котором у нас идет речь. Различие это санкционируется в качестве остроты Другим. Это совершенно необходимо, и мысль Фрейда в этом и состоит».

С точки зрения Лакана, именно в этом заключаются два измерения, в которых разворачивается работа Фрейда: с одной стороны – техника означивающего, с другой – необходимость санкции, признания со стороны Другого.

Почитаем еще немного. На странице 28 мы встречаем: «Санкция этого Другого, независимо от того, представлен он в действительности неким индивидом или же нет, абсолютно необходима. Именно Другой отбивает мяч, именно Другой указывает сообщению его место в коде в качестве остроты, именно он говорит в коде: *это острота*. Если никто этого не сделает, никакой остроты не будет. Если никто ничего не заметил, если *фамиллионьярно* воспринято как оговорка, острота не состоялась. Необходимо, таким образом, чтобы Другой кодифицировал это слово как шутку – чтобы в результате вмешательства этого Другого она оказалась вписана в код».

Он продолжает эту, присутствующую у Фрейда, линию рассуждения, возвращаясь к ней на страницах 114-115 Семинара и подчеркивая ее в следующих более определенных терминах: уход смысла в остроте (*Witz*) должен быть воспринят Другим как смысловой ход, продвижение смысла далее, даже если все это представляется почти или совсем лишенным ценности. В противном случае, он остается как бы в подвешенном состоянии.

Историю самого Лакана здесь можно понимать как историю его собственного неологизма, или даже последовательности неологизмов. Его близкое к неологизму учение не было санкционировано сообществом психоаналитиков, т.е. тем, кто являлся Другим психоанализа. И отлучение Лакана, как он сам его именовал, в этом и состояло. Другой, к которому он обращался на протяжении всех этих лет, ему сказал: нет, это не острота. Замечательным изображением данной ситуации могла бы послужить картина Магритта. Дру-

гой Лакану сказал: Ваше «*Witz*» не является ни учением, ни практикой, достойными того, чтобы на их основе формировать новых аналитиков.

Такова ситуация, в которой мы с вами находимся. И если кто-то из нас периодически проводит свое время за изучением Семинаров Лакана, то это происходит как раз в данном промежутке, в ожидании, что Другой, о котором только что шла речь, санкционирует в позитивном смысле лакановский неологизм.

Но правда и то, что в процессе этого ожидания сформировалось альтернативное сообщество, признающее и санкционирующее остроты Лакана в качестве законных. В некотором роде сам лакановский неологизм породил своего собственного Другого, давшего на него согласие. Если официальный Другой отказывается вас кодифицировать, то вы либо складываете оружие, либо порождаете Другого, уже самостоятельно. На то самое место, куда не пришла санкция психоаналитического Другого, пришли мы, и были этим местом поглощены.

Все преподавание Лакана, весь его «*нео-логос*» являются обращением к Другому за санкционированием. Он требует этого и даже создает много шума, дабы добиться своего, но под наглядностью этого шума подразумевая призыв к Другому. И постепенно вокруг имени Лакана произошло объединение нескольких сотен, нескольких тысяч персон, в результате чего формируется альтернативное сообщество.

То же самое в свое время сделал Кантор. Когда математический истеблишмент не захотел ничего знать о бесконечных числах, он создал немецкую Ассоциацию математиков, чтобы та признала их существование.

Структура *Witz* учит нас *техникам нового*. Речь идет о создании некоторого отступления от нормы, но такого отступления, которое сопровождалось бы признанием со стороны Другого. И этого приятия, согласия еще предстоит добиться. Еще нужно сделать так, чтобы другой сказал «да».

Структура «прохода»

Лакан указывает, что процедура *прохода* (*la passe*⁶) обладает той же структурой, что и *Witz*. Когда мне однажды пришлось комментировать это положение, я сказал примерно следующее: «Действительно, повествование жизни вполне может быть ужато, представ в виде одной замечательной истории, которую можно пересказать. И рассказана она будет кем-то *другим*. Данная структура находит подтверждение в том, как те, кому предстоит пройти процедуру «прохода» (*passants*), пересказывают собственный анализ своим «проводникам» (*passeurs*), а те, в свою очередь, пересказывают услышанное для жюри».

Эта присущая остроумию (*Witz*) структура индукции чрезвычайно важна. Впечатляет, когда вы, по истечении достаточного времени уже успевшие по привыкнуть к синхронии, вдруг неожиданно видите в Семинаре вырастающий второй этаж графа. Здесь впервые Лакан – оп! – и переносит весь свой мир на

⁶ О процедуре прохода (*la passe*) также говорит в своей статье Александр Стивенс, и тем, кто впервые встречается с данным понятием, мы рекомендуем обратиться к этой статье.

один этаж вверх. Происходит это в начале седьмой главы, озаглавленной «Отказница» (с.143). Мы становимся свидетелями циркового зрелища: сначала видим нескольких акробатов, затем появляется новая их партия, каждый из акробатов берет себе на плечи кого-либо из новичков, затем – оп! – еще одного, и образуется верхний этаж.

Подобное расширение происходит в соответствии с законами индукции, свойственными остроумию, то есть в соответствии с идеей, что Другой, в конечном счете, точно так же является субъектом, соответственно, сам обладает структурой субъекта. Таким образом, не стоит довольствоваться только тем, что помещено на первом этаже, необходимо добавить симметричный ему второй этаж, воспроизводящий структуру нижнего, над которым он надстраивается. Пользуясь индукцией, Лакан упоминает даже третий этаж.

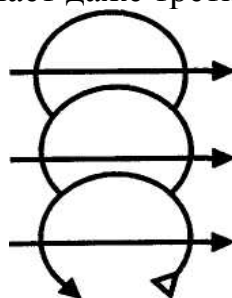

Рис.1

В процедуре «прохода» мы обнаруживаем индуктивную структуру остроумия. Мы рассказываем одним, которые потом пересказывают это другим, и, в конце концов, мы оказываемся захваченными процессом, где наше повествование все больше и больше разрастается. Согласно данной логике – и она именно наше изобретение, – мы только что рассказали свою историю другим, потом толпам, а потом рассказывание истории начинает шествовать по всему миру. Так обнаруживается эквивалентность структур *Witz* и процедуры «прохода».

Но есть и другой способ представить данную процедуру, чтобы рассказанные в ее рамках истории звучали как неологизм, то есть как некий новый способ говорить. Субъект рассказывает о том, как ему удалось, с его точки зрения, избежать повторения, или, по крайней мере, установить с повторением такие отношения, которые позволяли с ним уживаться.

Процедура прохода не является опытом конформизма. Скорее, наоборот, – это опыт нонконформизма. А если быть еще более точным, то относительно нее нельзя утверждать со всей очевидностью ни первое, ни второе. Процедура прохода находится под одновременным воздействием этих полярных тенденций, буквально разрывающих того, кто ей подвергается. Поскольку мы сегодня уже побывали в цирке, я могу обратиться к образу ярмарочного силача, удерживающего рвущихся в противоположные стороны лошадей, и необходимо, чтобы он умудрился подтянуть их к себе, иначе быть ему разорванным на части. «Проходящий» находится в подобной ситуации между конформизмом и нонконформизмом. Картель «прохода» совершенно очевидно репрезентирует большого Другого. Не так уж важно, кто в него входит. По своей функции, он репрезентирует житейский опыт, общепринятое знание, ортодок-

сию. Но вместе с тем, является и тем, кто должен согласиться с неологизмом, содержащимся в процедуре прохода, признать связанную с ней остроту (*Witz*) и отклонение от нормы. Как слово *фамиллионер*, которого в языке никогда не существовало, данный неологизм – отклонение от нормы, но отклонение вполне приемлемое, не разрушающее общепринятые порядки. Это – слово, которое просто использует существующую свободу действия.

«Проходящие» потому только и подвергают себя процедуре прохода, что они желают, чтобы их неологизм был принят, подобно тому, как сам Лакан хотел, чтобы был принят неологизм его учения. «Проходящий» – претендент-проситель, пожалуй, даже «попрошайка», подобный тем фигурам, как отмечает Лакан, которых мы встречаем на страницах фрейдовского труда, посвященного *Witz*: разорившихся, протягивающих руку за подаянием, пытающихся паразитировать на богатых. В работе Фрейда остроумию подвергаются вовсе не богатые, а бедные, те, кто просят, и кто, в конечном счете, никогда не бывают удовлетворены в своих ожиданиях.

Представим себе процедуру прохода именно в таком свете. Когда мы говорим о том, кто выдвигает свою кандидатуру в надежде быть принятым, то имеем в виду человека, который в результате анализа оказался в известном смысле «разорен», – это субъект «перечеркнутый» (*S* перечеркнутое: \S), опустевший. Он приходит со своим маленьким *a*, со своей горсткой золота, своим маленьким сокровищем, как к ювелиру или меняле, чтобы испросить его оценки, и задает вопрос: «Сколько это может стоить? Сколько вы мне за это дадите?» И ему ответят: «Да, это – сокровище. Школа берет». Или ему скажут: «Нет, это хлам, подделка. Не пытайтесь подсунуть нам булыжник вместо слоновой кости». Помимо прочего, в процедуре прохода есть и своя жестокость. К счастью, «проходящему» всегда предоставляется возможность сказать: «Вы ничего не понимаете», тем самым подвергнув сомнению компетентность «менялы».

Итак, с одной стороны находится субъект, который просит оценить его сокровище, с другой – картель, который является Другим процедуры прохода. Но это особый Другой – он может позволить себе быть расщепленным, занимая следующую позицию: «До того, как ты рассказал о себе, я ничего об этом не знал». На этом условии он соглашается записать неологизм пациента, принять его и признать.

3. Реальное языка

От Witz – к сплошному потоку

Лакан отправился за пределы простого неологизма. У Генриха Гейне вы встретите слово *фамиллионер* один раз. У Кеведо⁷ неологизм встречается в каждой строчке, превращаясь в сплошной их поток. Вот почему Лакан говорит на странице 22, что главная традиция *Witz* – это традиция испанская.

Он отмечает традицию английскую, немецкую, проходит по французской литературе, оставляя нетронутым место главной традиции, которой, безусловно, является испанская, обещая к ней еще вернуться, но так и не выполнив

⁷ Франциско Кеведо-и-Вильегас (Quevedo y Villegas) (1580-1634), исп. писатель, автор сатирических романов.

своего обещания в данном произведении.

Достаточно напомнить, даже для тех, кто не слишком осведомлен в области испанской словесности, имена Кеведо, Гонгоры⁸, Бальтазара Грациана, чтобы оценить то преимущество, которым, сравнительно с остальной мировой литературой, всегда обладали испаноязычные авторы в этой конкретной области, по крайней мере, в классическую эпоху.

Лакан, пожалуй, более всего близок Кеведо: от неологизма, от остроты (*Witz*) – к сплошному потоку. Это продолжается вплоть до создания особого языка: большой Другой, объект маленькое *a*, перечеркнутый субъект⁹. Элементы этого языка, находящиеся еще в процессе формирования, вы впервые встречаете в главе XVII, которую я озаглавил «Формулы желания». Прежде чем разместить эти элементы на своем графе, Лакан описывает формулы своей алгебры: маленькое *a*; *S* перечеркнутое ромб большое *D* ($S \triangleleft D$); *S* перечеркнутое ромб *a*; *D*, *d*, *s* от большого *A*; большое *S* от *A* перечеркнутого.

Лакан конструирует новый язык, который, будучи совершенно особым, тем не менее, может служить и общим языком психоанализа. Он представляет собой не что иное, как *матему*, которую легко визуализировать и, отталкиваясь от алгебраических формул которой, вполне можно договориться, что и составляет идеал Лакана. Основы этого языка ему удалось найти в структурализме, на что он опирался одновременно с утверждением, что существует объективность структуры.

Совершаемый таким образом Лаканом сдвиг затрагивает проблему *взаимосвязей между языком и Реальным*, которую Лакан относит к числу критических, как можно понять из текста Семинара, где она непосредственно ставится (см. с.55-56). Данная проблема вполне могла составить объект изучения для всей существующей традиции, в том числе и для философской риторики. Ее сердцевину составляет вопрос: какова действительная цена языка? Что представляют собой его связи по отношению к тем, что фигурируют в Реальном?

Следуя своему психоаналитическому опыту, Лакан начинает с замены этого вопроса – вопросом о тех взаимосвязях, которые существуют внутри самого языка, иными словами, он выдвигает представление о языке как Реальном. Такая позиция позволяет ему сформулировать следующее положение: никакое высказывание невозможно, если не будут задействованы функции, заложенные в Реальном. Невозможно говорить, невозможно реализовать сообщение, не пройдя через код, и невозможно пройти через код, не задействовав при этом инстанцию «я» (*je*) и отношение с объектом.

То, что не может высказаться

Во второй части Семинара обнаруживается, что невозможно пройти через код, не установив на горизонте, – а *горизонт* представляет собой очень важный термин в логике Семинара, – желание и все то, что не может высказаться. То, что не может высказаться, находится на горизонте того, что высказывает-

⁸ Луис Гонгора-и-Арготе (1561-1627), исп. поэт.

⁹ В русском издании Семинара переведено как «похеренный субъект».

ся. Такова, по мнению Лакана, функция, которая принадлежит к сфере языкового Реального.

В Семинаре предпринимается попытка структурировать связи, существующие в языке как Реальном, предоставив тем самым психоаналитикам настолько же единственно возможную, насколько и солидную базу для практики, – язык, адекватный всему, о чем идет речь в психоанализе.

С одной стороны, эта попытка содержала в себе реальный риск неудачи, но с другой – она как бы подвергалась верификации. То общее, что в наши дни выработано в психоанализе, все более становится похожим на Вавилонскую башню. Когда читаешь работы психоаналитиков 50-х годов, то обнаруживаешь, что вся эта литература представлена тремя, четырьмя, от силы пятью школами, а также некоторыми пересечениями между ними. Ныне же специализированные языки размножились бесконечным образом, и официальный психоанализ представляет собой подлинно Вавилонскую башню – я не говорю Ниневию¹⁰, я не призываю Бога с небес, дабы разрушить этот «город» за его разложение, вовсе нет. Я предлагаю: «Давайте разговаривать». Сегодня мы имеем дело с царством «Что-касается-меня-то-я»: «Что касается меня, то я считаю...», «И я, лично, полагаю...», «Моя точка зрения на этот счет...». Из-за того, что происходит в их среде по причине проклятия локализма и позитивного переноса, камни Вавилонской башни постепенно превращаются в пыль.

С другой же стороны, существует сообщество, построенное на надежном лакановском фундаменте, который обеспечивает наше взаимное понимание, сложившееся вокруг этой книги, как если бы она была написана сегодня. Лакан создал понятный, общедоступный язык, позволяющий разговаривать и способный объединять.

Расчет Лакана представлял собой ошибку, если смотреть на него в рамках короткого промежутка времени. Но с позиций более длительного срока он вдруг оказывается вполне уместным. И если вороны не склюют все зерна, то в длительной перспективе они обязательно принесут плоды.

Witz и математика

Конструирование «графа» происходит на протяжении всего Семинара. Мы это отмечаем, читая первые семь глав, встречаем в восьмой главе и начале второй части. Далее, когда Лакан, уже во второй части, комментирует схему R из написанной им в течение каникул статьи «Предварительный вопрос»¹¹, тема конструирования «графа» как будто исчезает. Но ненадолго: постепенно она вновь возвращается в качестве злободневной, став основой для всей последней части семинара, той самой, что позволила нам войти в мастерскую статьи «Ведение лечения»¹². Мы видим, как Лакан разбрасывает по своему графу символы, которые отныне так и останутся с ним скрепленными, поскольку именно в этот момент граф приобретает свою законченную форму.

С одной стороны – перед нами граф, с другой – целый ливень примеров,

¹⁰ Ниневия – древний город Ассирии. В VII в. до н.э. в Ниверии была создана крупнейшая царская библиотека-хранилище. В 612г. до н.э. была разрушена войсками вавилонян и мидян.

¹¹ Jacques Lacan, «D'une question preliminaire a tout traitement possible de la psychose» Ecrits.

¹² Jacques Lacan, «La direction de la cure», Ecrits.

неологизмов, занимательных историй. Такое сочетание не есть простая случайность. Буквально с первых же страниц семинара, Лакан дает нам ключ к ее объяснению: «Всякая острота носит характер чего-то особенного – не существует остроты во всеобщем пространстве»¹³. Отсюда становится понятным особенное построение данного текста, а также и то, что я предпочел выбрать особенный неологизм в качестве заголовка к первым семи главам¹⁴, причем именно с той целью, чтобы сделать очевидным правило, или закон *особенного* (*Курсив пер.*).

Не существует остроты во всеобщем пространстве. Этот тезис полностью соответствует тому, о чем Лакан скажет позже, ссылаясь на книгу Бергсона, посвященную *Смеху*, а именно, об условии, чтобы Другой был из того же самого прихода.

Приход – это ограниченный Другой. Приход не представляет собой ни универсум, ни группу сановников, и ни в коем случае – все Христианство. Приход – это соседство. Чтобы остроумие состоялось, необходимо разделять друг с другом общие отношения, общий язык, социальные связи.

В этом заключается разница между *Witz* и *матемой*. Матема создана не для прихода. Большим Другим математики, по допущению, является Другой всеобщий. Таков особый статус математики как лакановского неологизма. Это острота, но такая, которая желает стать остротой для всех и на все времена.

Другой остроумия (*Witz*) – это, конечно же, Другой особенный, ограниченный в пространстве. В то же время Другой остроумия, конструируемый Лаканом в пятом Семинаре, сам о себе говорит, что он всеобщий. На странице 117 Лакан определяет Другого как «общую для всех сокровищницу категорий, носящую характер, который мы можем назвать всеобщим». Я обращаю ваше внимание на слово «всеобщий» и на то напряжение, которое возникает между этим определением в соседстве с утверждением, подчеркивающим, что «не существует всеобщего пространства остроумия».

Через несколько минут я передам слово Антони Висенту, который выскажет свои суждения относительно Кеведо и специально – относительно «*Жулика*». Отмечу, что это труд, который был переведен на французский язык наряду с остроумными испанскими новеллами *La Pleade*. Среди них также находятся *Guzman de Alfarache* и *Lazarillo de Tormes*. Эти новеллы тяжело переводимы на французский язык, точно так же, как семинар трудно перевести на испанский.

Деталь и структура

Мне бы хотелось привлечь ваше внимание к странице 74, глава IV, где Лакан обращает внимание своих слушателей на то, что они вполне могли бы испытать удивление в связи с неким конкретным клиническим случаем, изумляясь при этом каждый по-своему. Далее он дает следующее объяснение: «Обусловлено это особенностью, присущей самому нашему материалу, дели-

¹³ В русском издании: «Всякая острота носит характер индивидуальный – не существует остроты в пространстве абстракции».

¹⁴ Первые семь глав Семинара озаглавлены Ж.-А.Миллером с использованием неологизмов: «Фамиллионер», «Миллиардурень» и т.д.

катность которого у меня будет возможность вам продемонстрировать. Скажем так: все, что относится к разряду бессознательного, поскольку это последнее сконструировано языком, ставит нас лицом к лицу с тем фактом, что не род, не класс, а лишь частный (*particulier*) пример позволяет нам уловить наиболее значительные его свойства». Он рассматривает общее, отталкиваясь от рассмотрения частного, особенного.

Все это говорится отнюдь не в порядке риторики. Ради прояснения смысла отправного неологизма *фамиллионер* Лакан погружается, вслед за Фрейдом, в детали жизни Гейне, в его отношения с Ротшильдом. Мимоходом он даже посетует, что было бы неплохо знать всю историю Ротшильдов, а также все детали жизни Гейне, дабы действительно постигнуть глубину этой остроты. Тем самым, нам дают понять, что вся данная работа проделывается только с целью прогресса в области психоанализа. Напомню, что тот же самый мотив вдохновлял его в работе над диссертацией по психиатрии, когда, имея в своем арсенале целый шкаф случаев психозов, он детальнейшим образом проработал всего лишь один единственный (случай Эме¹⁵).

Для Лакана сама эта материя, сам объект не могут предстать в психоанализе в общих чертах, но лишь в тех, что являются самими что ни на есть частными, особенными. Либо Бог, либо Дьявол обязательно прячется в мелочах.

Кажется, подобное признание в любви к Реальному, в аспектах его «особенного», не может не вступать в конфликт с процессом конструирования большой структуры. Но давайте не будем забывать, что, да, именно тот, кто восхваляет в качестве примера особенное, одновременно является и тем, кто строит структуру. Более того, достаточно перевернуть одну страницу, чтобы увидеть, что на этот раз Лакан предстает уже в качестве теоретика, выстраивающего первичные структурирующие законы языка.

И снова мы сталкиваемся с человеком, способным работать в двух пространствах сразу. С одной стороны, мы обнаруживаем единую структуру, созданную в целях формализации феноменов языка, которые рассматриваются наиболее общим образом: предлагаемая структура применима абсолютно ко всем образованиям бессознательного. Демонстрация, которую Лакан осуществляет на протяжении всего Семинара, – убедительно показывает, что не являющаяся психопатологическим феноменом острота (*Witz*), а также забывание имен, оговорки, симптом, как и сновидение, – соответствуют одной и той же структуре. Данный Семинар осуществлен, дабы представить образования бессознательного в качестве единого класса, а также раскрыть, в каком именно смысле они этой единой структуре соответствуют. Но, с другой стороны, наиболее значимые примеры появляются перед нами исключительно по одному, один за другим.

Перед нами возникает Лакан-Янус: человек детали в той же мере, как и человек структуры. Чередование грандиозной сложности структуры с блеском частных примеров, один другого деликатнее, – задает ритм всему этому Се-

¹⁵ Jacques Lacan, «De la psychose paranoïaque dans ses rapports avec la personnalité» Edition du Seuil, 1975.

минару.

С одной стороны – частный пример. С другой – вводимый здесь Лаканом партнер субъекта, который в то же время является всеобщим Другим.

4. Партнер – машина

Знание машин

Лакан ставит перед собой задачу определить, можно ли построить концепцию Другого, который говорит «да, это является остротой», рассматривая его как машину (см. с.131-138). Такого рода машины существовали уже во времена Лакана. В наше время их стало много больше. Машины умеют сообщать: «Дверца автомобиля открыта». Машины умеют включать вашу кофеварку. Они сообщают о допущенных вами ошибках. Они вас будят. Машина может сказать: «Вы забыли установить бумагу в принтер». Иногда, – и это порой вызывает сильную тревогу, – они ошибаются, то есть в них есть что-то человеческое. Машины в полной мере умеют соглашаться и отказывать. Например, существуют машины, в которые надо опускать монеты, и они умеют «решать», принять монету или ее отклонить. Лакан ставит вопрос: сможет ли машина распознать остроумие? Я даже его усилю, заявив: «Предположим, что такая машина существует».

Когда я редактирую семинар, то являюсь хозяином пунктуации, ведь пунктуация стенографии иногда точна, а иногда нет. Это можно представить в виде движущейся ленты, а я разрезаю ее на фразы так, как того требует материал. Иногда я что-то выделяю. Здесь я подчеркнул аспект *experimentum mentis*, сторону умственного опыта, как говорил Заратустра, которую выделяет и Лакан. Представим себе машину, расположенную в какой-то части кода или сообщения, принимающую данные, приходящие с обеих сторон. Так вот, она не способна воспринять пути, по которым происходит образование слова «фамиллионер», так же как ей неведома разница между золотым тельцом и тельцом на скотобойне. Работы Кеведо полны метонимическими остроумиями. Я привел несколько примеров, Антони Висенте приведет свои.

Цитирую Лакана (*Семинар*, с.132): «Машина эта расположена частично в месте кода (точка А) и в то же время в месте сообщения (точка М). Она принимает данные, приходящие к ней с обеих сторон. Она вполне способна разобраться в способах, которыми происходит формирование слова *фамиллионьярно* или превращение золотого тельца в тельца на скотобойне. Предположим, что она достаточно совершенна, чтобы провести исчерпывающий анализ всех означающих элементов. Сможет ли она уловить остроту и как таковую ее удостоверить? Провести необходимые вычисления и ответить, что да, мол, это острота? То есть подтвердить соответствие сообщения коду».

Можно вспомнить впечатляющую книгу Ля Метри (*La Mettrie*) «Человек-машина», выдающийся шедевр восемнадцатого века. Здесь же Лакан мечтает о Другом-машине, правда, тут же оговариваясь, что большой Другой не является машиной. Иногда кажется, что он в связи с этим испытывает сожаление. Необходимо, чтобы этот субъект являлся субъектом реальным, разделяющим с нами некоторые вещи, имея при этом представление о том, что такое по-

требность, требование. Необходимо, чтобы он был живым (с.132). Но Лакан заканчивает следующими словами: «Мы вправе, таким образом, утверждать, что находящийся напротив нас субъект вовсе не обязательно должен быть реальным живым лицом, этот Другой является по сути своей местом символическим» (с.136). Иными словами, он не является машиной, но, тем не менее, Лакан исключает живого и реального из числа тех, кто мог бы стать этим фундаментальным лингвистическим партнером субъекта. Далее обнаруживается последовательность прилагательных, которыми он определяет этого Другого (*там же*). Его отличает характер, который мы можем назвать абстрактным, в нем присутствует элемент сверхиндивидуальности, он также неким особым образом является обладателем бессмертия и в нем присутствует своего рода анонимность. И, наконец, Лакан говорит (с.137): «Я вовсе не обращаюсь в Другом к чему-то определенному, чему-то такому, что объединяло бы нас какой бы то ни было общностью». Далее следует уточнение: «Однако необходимо, чтобы Другой был из одного с вами прихода».

Вот таков Другой – партнер субъекта, вводимый Лаканом, Другой, который утверждает сообщение, являющееся, соотносительно с кодом, отклонением от нормы. Он не является машиной, но, тем не менее, он – партнер-машина, означающее «партнер-машина». И чем дальше мы углубляемся в Семинар, тем в большей степени этот партнер становится партнером-машиной.

Проект партнера-симптома

Я использую это выражение – партнер-симптом, – затем, чтобы обозначить очень важный момент. Мы видим, как Лакан оставляет пока в стороне дальнейшие поиски в направлении партнера-симптома, чтобы вернуться к нему в своем творчестве несколько позже. Таким образом, это момент построения проекта симптома. И здесь, на пути языкового регистра, он строит партнера субъекта.

Итак, партнер-симптом он оставляет в стороне, и положение остается таковым на протяжении всего текста.

Три года назад я даже перечитал «*Witz*»¹⁶ Фрейда, чтобы, следуя манере Лакана, пересмотреть эту статью как бы «наизнанку», особый упор делая на *Witz* как инструменте удовольствия. В чтении Лаканом фрейдовского *Witz* обнаруживается совершенно особая стратегия. Читая эту работу, он принижает ценность функций удовольствия и наслаждения, принижает *Lustgewinn*. Такой угол зрения, безусловно, содержит в себе нечто новое. Но, чтобы держать удар своих слушателей, он вынужден сказать: «И все это присутствует у Фрейда». Если бы он не сказал этих слов, то речь, соответственно, шла бы об отклонении от нормы, что в психоанализе не прощается.

Для Фрейда, несомненно, существует вся означающая конструкция, у него присутствует весь лингвистический аспект, что оставалось без внимания. Остроумие было представлено им с экономической точки зрения, что позволило установить экономию психической зависимости и выигрыш удовольствия.

¹⁶ З. Фрейд, «Остроумие и его отношение к бессознательному», «Попурри», Минск, 1999.

Лакану удается все это обойти, чтобы в центр своих изысканий поставить означающую технику. Возвращение же к наслаждению займет его внимание в других аспектах опыта. Подобно этому, весь Семинар как бы огибает партнер-симптом, оставляя его в стороне.

Здесь есть такие «невинные» фразы. Так, Лакан говорит (с.31): «Специфику остроты определяет техника. Здесь же, она является феноменом центральным»¹⁷. Тем самым он говорит следующее: «Это не есть удовольствие», в то время как для Фрейда техника – не что иное, как инструмент удовольствия. Или вот еще: «Удовольствие от остроты завершается лишь в Другом и посредством Другого» (с.119). Опять же, звучит весьма невинно. На самом же деле в этих словах заключено самое существенное, – здесь выделена межличностная функция остроумия.

Внимание! Что говорит Фрейд в главе IV «Остроумия...», посвященной психогенезу? С чего остроумие начинается? Конечно, существуют остроты, которым предаются в светских салонах. Фрейд же начинает с лепета младенца, буквально с его «бррр, бррр...». В этих издаваемых ртом младенца звуках он видит истоки всего, что имеет отношение к остроумию, самый корень разбираемой проблемы. Далее над этим лепетом образуются напластования чрезвычайно сложных функций вплоть до появления *фамиллионера*, но прежде есть лепет. И для Фрейда на уровне этого лепета присутствует фундаментальное удовольствие, а также структуры игрового удовольствия от означающего.

Когда Лакан говорит, что «удовольствие от остроты завершается лишь в Другом», это звучит более чем убедительно. Между тем, Фрейд истоки данного удовольствия связывает с уровнем развития, с тем состоянием субъекта, когда большой Другой еще не был конституирован, когда этого большого Другого, собственно, не существует, и когда, напротив, существует в некотором роде прямая связь между означающим и наслаждением без всякого посредничества со стороны такого Другого, который говорит «да».

Можно спорить. На деле, младенческий лепет, если он некоторым образом не поддержан и не воспринят, начинает чахнуть. С самого начала существует необходимость в поддержке со стороны Другого, в его улыбке. Даже наши коллеги-нейрофизиологи доказали, что присутствие улыбающегося другого необходимо для нормального функционирования нейронов. Лаканизм проверен нейрофизиологией. Тем не менее, существует некое пространство, в котором санкционирующее принятие в коде, о котором идет речь в случае Другого, вовсе не конституировано под эгидой такого большого Другого. Однако этот аспект Лакан оставляет в стороне.

Редактируя Пятую главу, я получал удовольствие, наблюдая маневры, которые неявно содержали чрезвычайно тонкие возражения. Возьмем, к примеру, страницу 95: «Подойдя ко второй части своей работы об остроумии, части «патетической», Фрейд задается вопросом о происхождении доставляемого остроумием удовольствия. ... Не забывайте, однако, осторожности ради о том, что мысль Фрейда часто следует отнюдь не прямыми путями». Что это значит? Не забывайте, однако, о том, что часто Фрейд нечто высказывает, но на

¹⁷ В русском издании: «Специфика остроты есть дело техники. Здесь же нам является сама суть дела».

самом деле он говорит что-то совершенно иное? Или: часто кажется, что Фрейд говорит нечто совершенно ясное, но на самом деле он говорит то, что говорю вам я? И это правда. «И когда он обращается к темам, заимствованным им из психологии или из других областей, само то, как он эти темы использует, вводит нас в неявно подразумеваемую тематику, не менее, если не более важную, нежели темы, к которым Фрейд обращается эксплицитно». Необходимо прочесть и последующие страницы, где Лакан говорит (с.96): «Здесь очень важно проследить самый ход его мыслей». Что значит: оставьте в покое упоминаемые концепции и попытайтесь понять, куда все это ведет. «В соответствии с предельно ясной системой положений», – и мы понимаем, что сама по себе эта система не является здесь самым важным, – «на которую он опирается явным образом и которая к концу работы приобретает черты все более отчетливые, первоначальный источник удовольствия¹⁹ связывается им с игровым периодом детской активности». Ссылка на развитие противопоставляется предпочитаемым Лаканом ссылкам на структуры. Далее следуют две страницы возражений. Очевидно, что Лакан испытывает трудности, не зная, как избавиться от этого фрейдовского *Witz*, чтобы обратиться к новой перспективе, и, в конце концов, он говорит (с.99): «Я предложил бы не начинать сразу с обращения к опыту ребенка».

Все здесь уже есть. Если мы отталкиваемся от опыта ребенка, то сразу обнаруживаем относительно прямую связь между означающим и наслаждением, которая минует посредничество сложных механизмов, «существующих в нашем приходе». Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с ограниченным «приходом на двоих». Это самая что ни на есть непосредственная связь между S_1 и маленьким a , которая выражает себя в издаваемых младенцем звуках. В чем же оно заключается, удовольствие? – задает вопрос Фрейд. А заключается оно в самой возможности издавать человеческие звуки, всячески повторяя их. Даже сам простой факт, что звуки повторяются, приносит удовольствие. Таков предварительный вывод. Он находится в полном соответствии с тем, что Лакан будет пытаться оформить и структурировать на последнем этапе своего творчества. Здесь же он в некотором роде преуменьшает ценность игровой деятельности.

Чудо удовлетворения

Сделанное открытие приводит Лакана к немедленному пересмотру представления о том, в чем же, собственно, заключается удовольствие от остроумия. Ясно, что с коротким замыканием, происходящим между означающим и наслаждением, оно не имеет ничего общего и, скорее, представляет собой что-то очень близкое к удовлетворению от признания Другим. Мы здесь наблюдаем, как Лакан пытается исследовать удовлетворение, существующее на уровне означающего и берущее свое начало из отношений субъекта с большим Другим как местом означающего. Оставив в стороне фрейдовского ребенка, он дрейфует в сторону внутреннего удовлетворения, в направлении некоего означающего порядка. Это собственно то, что он называет «особенным удовлетворением от *Witz*» (с.170). Сейчас мы с вами находимся уже во второй части, где

Лакан вновь обращается к первой: «Острота, и то совершенно особого рода удовлетворение, которое она приносит».

В чем же заключается это «особое удовлетворение» от *Witz*, по Лакану? Оно возникает именно тогда, когда намерение субъекта реализуется в сообщении, и означающая цепочка достигает точки большого А. То, что он называет удовлетворением от *Witz*, представляет собой одновременность этих двух событий: реализация бессознательного субъекта в сообщении и достижение точки большого А, где происходит принятие означающего образования. Когда оба данных события осуществляются одновременно или когда создается возможность соотнести их между собой, то, как правило, возникает удовлетворение.

Рис.2

И совершенно ясно, что удовлетворение подобного рода не имеет ничего общего с тем удовлетворением, которое, по мысли Фрейда, доставляет игровая деятельность. Оно является следствием переработки, по поводу чего Лакан, в конечном счете, скажет: «А, вообще говоря, оно и не возникает». Иначе говоря, вся означающая система регулируется как раз неудовлетворением. А то, что он называет желанием, на самом деле оказывается своего рода перманентным неудовлетворением, присущим системе языка. Желание представляет собой то расхождение, которое возникает вместе с любым намерением и вместе со всевозможными требованиями, то есть разницу между удовлетворением и требованием. В конечном итоге получается, что вы никогда не добьетесь того, чего потребовали. Это расхождение, эта разница по большому счету и является желанием. Именно там, где фрейдовский психогенез, в поисках своего источника, приходит к наслаждению, Лакан возводит свой граф, находя для него опору в неудовлетворении. Будет вполне справедливо назвать этот граф графом желания. Не наслаждения, а именно желания, воплощающего то перманентное расхождение, которое возникает в связи с любым сообщением, с самим Другим и всяким вербальным выражением.

Удовлетворения нет. В установленном порядке существует лишь неудовлетворение. Разве что в редкие мгновения, вдруг, случается чудо удовлетворения, когда в вашей собственной ошибке-высказывании, всегда не удовлетворяющем вас самих сообщении, то есть где-то на стороне, Другому удается услышать то, что находится по ту сторону этой ошибки. Другими словами, он умудряется расслышать вас именно в вашей собственной ошибке-высказывании. В некотором роде, нет места счастью, если нет ошибки-высказывания и Другой не проинтерпретировал вас должным образом в этой

вашей оговорке, запинке, в вашем личном пределе, если он не расслышал вас на той стороне, за горизонтом.

Удовольствие, *Lust*, над которым работает Лакан, – штука чрезвычайно сложная. Это удовольствие (*Lust*) от удавшейся интерпретации: даже в ошибке, которую ты совершил в высказывании, в этой безделице речи, ты сам непосредственно присутствуешь, и там-то я тебя и распознал. Понятно, что такого рода рассмотрение находится в оппозиции ко всякому психогенезу. К тому же, здесь мы встречаемся с удовлетворением, весьма близким к признанию. Но это не диалектическое признание по Гегелю, а признание того, что ты хочешь сказать по ту сторону высказанного. Это признание того, на что на самом деле была направлена твоя речь.

Имя Отца и Witz

Если быть последовательным, то стоит вновь обратиться к главе IV фрейдовского *Witz*, буквально пословно сравнив ее с лакановской операцией. Совершая ее, Лакан пользуется наилучшей из всех существующих в мире основ. В качестве таковой ему впервые в мире удалось утвердить функцию речи и поле языка. Отсюда единственное место, которое он определяет для объекта «маленькое *a*», находится на стороне метонимического объекта в остроте (*Witz*). Все свои усилия Лакан направляет в сторону всеобщего, и эта всеобщая составляющая производимой им операции дает нам нечто очень важное. Она дает Имя Отца. Лакановское понятие *Имя Отца* рождается именно в этом Семинаре, в русле остроты (*Witz*), несмотря на то, что мы встречали его и ранее. В Семинаре это понятие по определению является тем, что в коде может сказать «да» неологизму, в отличие от кода машины, который только и может сказать по поводу чего бы то ни было, присутствует оно или отсутствует.

У нас есть уже ставший знаменитым пример. Однажды доктор Лакан написал: «*hommosexual*». Франсуа Легиль ввел это слово в свой компьютер, а затем запустил программу корректировки грамматики, которая не приняла это лакановское слово, то есть в некотором смысле оно оказалось эквивалентным «фамиллионеру». Компьютер его исправил, оставив в нем одно *m*. Машина сказала: это не остроумие, а грубая ошибка, которую я должна исправить. Возникшее недоразумение связано с тем, что машина представляет собой неизменный зафиксированный код. Так чего же здесь не хватает? А того, кто, находясь в машине, мог бы сказать по поводу «*hommosexual*»: займи свое место наряду с другими лексическими означающими! Т.е. не хватает кого-то, кто представлял бы языковые законы, но в то же время был бы способен нарушить автоматический порядок и, при необходимости, принять двойное *m*.

Эта функция, Имя Отца, одновременно репрезентирует закон, чтобы иметь возможность принять и то, что выходит за рамки, и Лакан вводит данную функцию именно в таком контексте. Если вы считаете, что я преувеличиваю, обратитесь к странице 168: «То, что удостоверяет текст закона, и что довольствуется само по себе, находится на уровне означающего»¹⁸.

Примерно то же утверждается формулой, которую мы находим в статье

¹⁸ Несколько иначе сформулировано в русском издании.

«Предварительный вопрос»¹⁹: «...Он является означающим, которое поддерживает закон, и тем, кто этот закон провозглашает. Это Другой в Другом». Однажды Другой устанавливает связь между *Оно* и остротой (с.173): «В Другом происходит нечто такое, что символизирует то, что можно назвать необходимым условием всякого удовлетворения. Другими словами – вас слышат и понимают поверх того, что вы говорите». Далее следует (с.173): «То в остроте, что возмещает, вознаграждая нас счастьем, неудачную попытку передать наше желание с помощью означающего, реализуется следующим образом – Другой утверждает, принимает это неудавшееся, прерванное сообщение»²⁰. Именно в данном контексте Лакан вводит понятие «сверхудовлетворение» (*sur-satisfaction*), о чем говорит на той же странице: «Как видите, измерение Другого становится у нас несколько шире. По сути дела, Другой уже не является просто местопребыванием кода, а выступает как субъект, который утверждает сообщение в коде, его усложняя. Иными словами, Другой располагает теперь на уровне того, кто устанавливает закон как таковой». Необходимо, чтобы Другой находился на уровне Имени Отца, что необходимо даже для понимания того, как функционирует *Witz*. Было бы невозможно понять или произвести *Witz*, если бы не было Имени Отца.

Вот, собственно, почему Шребер²¹ и не острит. В то время как в его внутренней неразберихе присутствует множество неологизмов, ни один из них не имеет для него ценности остроты²². Ведь даже и в малейшей остротке необходимо присутствие той функции, которая одновременно репрезентирует закон и дает согласие на то, что «выходит за рамки». Этот тезис и служит мостом между первой и второй частями Семинара, что, кроме того, демонстрирует и непрерывность Лакановской мысли.

Хотя здесь и еще кое-что можно отметить, а именно работу Лакана над метафорой, особенно в том, что касается забывания имен и, конечно же, отцовской метафоры во второй части, где он анализирует пример с именем Синьорелли²³, то есть феномен забывания имени как имеющий структуру, гомогенную остроте. Что происходит в случае феномена забывания имени на том самом месте, где появляется *фамиллионер*? Да сам этот феномен и возникает! Не получается вспомнить Синьорелли на том же самом месте, где появляется *фамиллионер*. И, с одной стороны, мы имеем *фамиллионера* в качестве позитивной продукции, а с другой – нехватку имени Синьорелли. Эта нехватка не представляет собой абсолютное отсутствие, а является продуктом Оно. Отсюда Лакан выводит структуру метафоры, и здесь же будет базироваться его понятие отцовской метафоры.

Но существуют еще два пункта, лежащие в основе Семинара и объединяющие между собой его первую и вторую части. Нет остроты без Имени Отца, поскольку необходимо, чтобы острота была воспринята Другим, а для того, чтобы она была воспринята Другим, необходимо присутствие кого-то,

¹⁹ См. сноску 12 на с.47.

²⁰ Иначе сформулировано в русском издании.

²¹ *З. Фрейд*, «Психоаналитические заметки по автобиографии случая паранойи (Председатель Шребер)».

²² *Daniel Paul Schreber*, «Memoires d'un nevropathe», Seuil, 1975.

²³ Знаменитый пример анализа забывания имени, приводимый Фрейдом.

кто бы репрезентировал собою закон, позволяющий всему этому происходить. Второй пункт – конструирование метафоры.

Теперь Антони Висент, которого я благодарю за то, что он перевез с собой целую полку университетской библиотеки для того, чтобы донести до меня работы Кеведо, представит «Мошенника» (см. Приложение «Антони Висент представляет Кеведо»).

II. Эдип в три этапа

1. «Переоткрытие» фрейдовского отца

То новое, что содержится во второй части Семинара, заключается, прежде всего, в совершаемом Лаканом «переоткрытии» фрейдовского отца с использованием представления об Имени Отца как основном пункте, скрепляющем символический порядок. Кроме того, отец впервые рассматривается здесь под углом зрения теории метафоры, формула которой была ранее опубликована в работе «Инстанция буквы...»²⁴. В первой же части Семинара он представлен, скорее, в контексте остроты (*Witz*), в том виде как она была изучена Фрейдом в «Психопатологии обыденной жизни».

О новом, снова

На самом деле по меньшей мере две главы первой части посвящены верификации фрейдовских заключений относительно *Witz*, сформулированных З.Ф. в первой главе «Психопатологии обыденной жизни». В частности, это касается и забывания имени Синьорелли. Верификация заставляет Лакана расширить формулу метафоры, записывая ее теперь в виде совокупности двух дробей и четырех элементов.

Это – то новое, что привносит собой Семинар, но что не мешает ему оставаться частью всего лакановского учения, которая используется там с наибольшей полнотой. Такова и одна из задач предпринимаемой мною попытки помочь вам с ориентировкой в чтении семинара – найти, что является для нас новым и сегодня. Удерживая эту задачу, мне не оставалось ничего иного, как положиться на собственное восприятие в качестве критерия. Я фокусируюсь, прежде всего, на том, что было новым для меня самого, когда я редактировал Семинар. В конечном счете, действительно новым моментом оказалось та важность, которую Лакан придает так называемому *третьему этапу Эдипа*, когда в субъекте устанавливается Идеал Я. Данный этап рассматривается и как путь, следуя которым, согласно Лакану, становится возможным «выйти» из Эдипа.

Нельзя запретить себе думать о том, что существует некое измерение психоаналитического опыта, назначение которого заключается как раз в том, чтобы вернуть субъекта на ось этого третьего этапа, где он испытает силу его формирующего воздействия. Недавно, к тому же, говорилось об окончании анализа как возможном завершении Эдипа. Так вот, в соответствии с тем «обходным маневром», который Лакан предпринимает в данном Семинаре, подобное предположение оправдывается.

²⁴ Jacques Lacan, "L'instance de la lettre dans l'inconscient ou la raison depuis Freud", dans *Ecrits*, Seuil, 1966.

Начну с внесения поправок в некоторые обладающие несомненной важностью детали, надеясь тем самым осветить то, что, на мой взгляд, осталось не разработанным в Семинаре. Я имею в виду связь между *Witz* и Именем Отца, говоря точнее, – тот факт, что не было бы и малейшего намека на остроту, если бы не существовало Имя Отца. Можно сказать, что в некотором смысле само Имя Отца есть острота. В одном из пассажей на странице 173 содержится указание на установленную Лаканом связь между Именем Отца и *Witz*, но есть еще одно место в тексте, где эта связь выражена даже с большей четкостью (с.178): «Имя Отца – тот, кто способен утвердить сообщение». Тогда получается, что на протяжении всего Семинара выражение «утвердить сообщение» используется Лаканом для именованного принятия «удачного» неологизма в коде. Отсюда вытекает, что, по крайней мере, в этой фразе функция принятия непосредственно, эксплицитно вменяется Имени Отца. И, вопреки тому, что понятие Имя Отца вообще не упоминается в первой части, оно там подразумевается в качестве инстанции, осуществляющей функцию принятия того, что отклоняется от нормы. Данный пассаж обладает ценностью указателя, где сам Лакан выступает поручителем пути, который, оставшись до конца не разработанным, тем не менее, сохраняет свое значение на протяжении всего следования ему: Имя Отца призвано в качестве того, кто способен утвердить сообщение. Но нужно иметь об этом представление. Быть может, и в этом заключается то новое, что данный Семинар привносит в наш нестройный хор, в нашу «молитвенную мельницу»²⁵, если позволите мне так выразиться.

Возможно, благодаря омофонии, существующей, по крайней мере, во французском языке, широко распространено представление, что отец призван говорить «нет». В нужные моменты он и в самом деле говорит «нет». Вышеупомянутая омофония была замечена достаточно давно, еще в те времена, когда Мишель Фуко писал рецензию на труд Жана Лапланша о Гельдерлине²⁶. Свою статью в журнале *Critique* он озаглавил: «"Нет" отца»²⁷. Но не ошибусь, если скажу, что данное заблуждение восходит к еще более давним временам.

Так вот, данный Семинар позволяет заметить, что лакановский отец, в отличие от воображаемого большинством из нас, относится к числу отцов, говорящих «да». И его «да» намного важнее, чем его «нет». Не будем спорить, «нет» необходимо, поскольку когда не существует «нет», то не может быть и «да». Но как раз именно «да» содействует возникновению нового. Это – доброе Имя Отца.

Лакановское Имя Отца является тем, кто устанавливает закон, но одновременно и тем, кто этот закон преступает, причем преступает именно для вас, ибо признает частное, особенное. Да, его обрядили в одежды жандарма, нацепили на него устрашающие маски в духе японской театральной традиции, но, воплощая собой функцию структуральную и структурирующую, Имя отца преступает, точно зная, когда в этом есть необходимость. Что касается ужаса, то он возникает сам по себе, когда единожды установленный порядок начина-

²⁵ Молитвенная мельница у буддистов.

²⁶ Гельдерлин, или Хельдерлин (Holderlin) Иоганн Кристиан Фридрих (20.3.1770, Лауфен, – 7.6.1843, Тюбинген), немецкий поэт.

²⁷ «"Нет" отца» (Le non du pere) является во французском языке омофоном выражения «Имя Отца» (Le Nom-du-Pere).

ет действовать в одиночку.

Закон – не то же самое, что установленный порядок. Закон включает в себя функцию, которой он обязан своим основанием. Данное обстоятельство и обеспечивает, согласно выражению Лакана, автономию закона. Весьма и весьма странное выражение: «автономия закона». В нем, несомненно, слышатся кантовские отголоски, но почему бы ни услышать следующее: «Закон не подчиняется единожды установленному порядку, он не представляет собой слепо действующий алгоритм». Если бы большой Другой функционировал слепо, как код, подобно словарю с алфавитным указателем или программе компьютера, то никакой остроты просто не существовало бы, что уже было вам продемонстрировано. Таким образом, мы с вами вправе представить концепцию закона в его автономии и отличии от единожды установленного порядка, являющегося алгоритмом.

Если мы пересмотрим представление о законе, отталкиваясь от *Witz*, то обнаружим совсем не тот закон, который, будучи изображенным с повязкой на глазах, служит юстиции. Обнаруженный нами закон уделяет большое внимание особенным случаям и умеет видеть разницу, или, по крайней мере, предпринимает к тому попытки, между чепухой, глупостью, ошибкой и, конечно же, остротой. Такой закон подобен гостеприимному хозяину.

Если же мы теперь пересмотрим представление об Имени Отца, отталкиваясь от *Witz*, то увидим Имя Отца, которое идет навстречу субъекту и его выдумке. Основываясь именно на таком его понимании, я однажды сформулировал идею о политике остроты. Ведь на самом деле острота способна стать основой некоей политики, соответствующей той, что я описал, отталкиваясь от структуры бессознательных образований.

Эта точка зрения представлена на схеме, которая не фигурировала в стенограмме данного Семинара. Мне удалось восстановить ее, благодаря записям Пауля Лемойне. Это схема, о которой Лакан говорит в своих записях о психозах, приглашая нас на нижний этаж своего графа желаний. Вот указания, которые он дает:

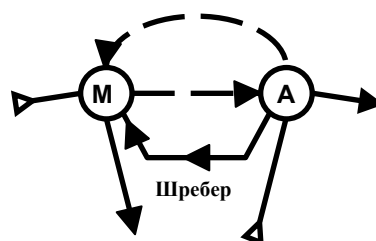

Рис.3

Схема со страницы 177 Семинара

Гипотеза о форклюдии²⁸ Имени Отца

²⁸ В русском издании Семинара термин «форклюдия» переведен словом «предизъятие». Во французском языке мы встречаемся с форклюдией (*la forclusion*) как с юридическим термином, обозначающим лишение права на что-либо по истечении срока, в течение которого этим правом можно было пользоваться. Читателю имеет смысл обратиться к тексту

Эта схема достаточно прозрачно представляет процесс форклюзии Имени Отца посредством исчезновения тех связей, которые обычно обнаруживаются на нижнем этаже графа желания.

На графе желания располагаются место сообщения и место кода, являющееся в данном случае эквивалентом места Другого. Благодаря их соединению, устанавливаются имеющие существенное значение отношения. Они заключаются в прохождении сообщения через код, который представляет нормы языка, и в продуцировании отклонения от нормы в этом же сообщении, что заставляет его вновь вернуться к месту кода, дабы подвергнуться проверке на подлинность. Проверка происходит на основе того принятия, которое осуществляет Имя Отца.

Схема на странице 177 представлена в усеченном виде. В ней нет места для остроты (*Witz*), а код исполняет свою партию в полном одиночестве, впрочем, как и сообщение. Зато здесь отведено место тем вербальным галлюцинациям, которым был подвержен Шребер. Лакан выделил их в ходе третьего Семинара. С одной стороны, это слуховые галлюцинации в виде голосов, обучающих Шребера коду того языка, который он сам называет фундаментальным (*Grundsprache*), с другой, – сообщения, которые никогда не достигают своего завершения, оставляя субъекта в подвешенном состоянии.

Данная схема наглядно представляет гипотезу, согласно которой форклюзия Имени Отца приводит к исчезновению тех реципрокных связей и циркуляции между кодом и сообщением, благодаря которым происходит проверка сообщения на подлинность, то есть к нарушению циркуляции между Другим и означаемым Другого.

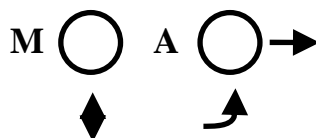

Рис.4

Данная схема наглядно представляет гипотезу, согласно которой форклюзия Имени Отца приводит к исчезновению тех реципрокных связей и циркуляции между кодом и сообщением, благодаря которым происходит проверка сообщения на подлинность, то есть к нарушению Циркуляции между Другим и означаемым Другого.

Кроме того, она наводит на мысль о том, что именно воображаемые отношения заступают на место ликвидированных связей. Иначе говоря, происходит замещение символических связей коротким замыканием Воображаемого, которое хоть как-то служит Шреберу, помогая ему отчасти восстановить свою позицию. Она по-прежнему остается бредовой, но, тем не менее, позволяет ему со временем достигнуть относительного равновесия, во всяком случае, делает его способным написать свои драгоценные «Мемуары». Итак, мы

имеем дело с замещением Символического Воображаемым, что отражено в формуле, которую мы также обнаруживаем в первой главе. С помощью этой формулы Лакан резюмирует результаты своего третьего Семинара.

Все это подтверждает путь, следуя которым, становится возможным, отталкиваясь от *Witz*, пересмотреть Имя Отца. Выводимое подобным образом Имя Отца мы находим, в основном, в главе «Форклюзия Имени отца», где оно представлено в виде ряда формул: Имя отца выступает в качестве того, что поддерживает закон, ратифицирует закон, дает закону основание и придает ему силу. Вот столько формул, и все они имеют значение еще и благодаря тому, что во множестве своем указывают на ту точку, в которой все вместе сходятся.

Имя Отца как инструмент

Несомненно, самой показательной формулой Имени Отца является формула «Другой в Другом», «большое А в большом А». Сама формулировка побуждает нас обозначить Имя Отца матемой, которая не фигурирует в Семинаре (она была воссоздана мной в былые времена). Данная матема представляет собой означающее Другого. Имя Отца – означающее, которое выделяет Другого в Другом и которому не чужд аспект самопознания.

Несколько дальше по ходу своего Семинара Лакан говорит о самосанкционировании (*autosanction*). Ранее я представил вам Имя Отца в качестве того, кто принимает и санкционирует остроту. Но, помимо этого, существует еще и самосанкционирование, которое Имя Отца применяет в отношении собственного дискурса. Конечно, такого рода функция может показаться парадоксальной. В восприятии Лакана она перекликается с понятием Рассела²⁹ о каталоге, включающем в собственное содержание самого себя. Формулу «большое А является элементом большого А» он рассматривает, в конечном итоге, в терминах теории множеств. И я полагаю, что из самых благих побуждений Лакан не стал избавляться от матемы «S от большого А» ($S(A)$) поскольку в данном Семинаре он занимается также разработкой функции «большое А, не являющееся элементом большого А».

Это приведет его к тому, что в своей двухэтажной схеме он поместит симметрично позиции большого Другого, предположительно обладающего способностью к самосанкционированию, пункт «большое S от А перечеркнутого». Таким образом, в Семинаре это представлено несколько иначе, нежели в лакановской статье из *Ecrits*.

Лакан в достаточно ясной манере создает свои матемы, отталкиваясь от некоего формального построения, которое он раскроет во втором периоде своих «чтений». Способ прочтения «S от большого А зачеркнутого», представленный в Семинаре, отличается от того, что предлагалось им же самим в статье из *Ecrits* «Ниспровержение субъекта»³⁰. Создается впечатление, что он двигается на ощупь в ходе своего Семинара, стараясь понять смысл, вопреки тому, что ему удастся все так логично записать.

²⁹ Рассел (Russell), Бертран (1872-1970) – англ. философ, логик, математик.

³⁰ Jacques Lacan, “Subversion du sujet et dialectique du desir”, *Ecrits*.

Стоит заметить, что, начиная с данного Семинара, Лакан перестает быть поклонником Имени Отца. Лакановцы со временем превратились (без сомнения, по причине собственных ошибок) в подлинных проповедников Имени Отца. Но, начиная с этого Семинара, где он так и не записывает эту матему (матему Имени Отца – *Прим. пер.*), ограничиваясь лишь формулой «S от большого A зачеркнутого», Лакан тем самым указывает и на то, что кажется ему самому сомнительным и, соответственно, вызывающим вопросы. Здесь мы и обнаруживаем набросок впоследствии подчеркнутого Эриком Лораном суждения, где говорится, что «можно позволить себе некое сведение к Имени Отца, но при том лишь условии, что оно будет при этом просто использоваться». Этим замечанием Имени Отца придается статус инструмента.

Начиная с данного Семинара, Лакан более не приемлет онтологическую позицию Имени Отца. Имя Отца становится не существом, а инструментом, видимостью. Это означающее-видимость, обладающее тем единственным преимуществом, что оно позволяет находиться в отношении с означающими и означаемыми.

Лакан говорит о самосанционировании на странице 236, упоминая форкклюзию Имени Отца: «...с самого начала оказалось упразднено и так и не было включено в жизнь субъекта то, чем связанность дискурса, собственно, и обусловлена, – тот на себя самого направленный акт санкционирования, посредством которого отец, завершив свой дискурс, возвращается к нему вновь, санкционируя его уже в качестве закона». Здесь в достаточно образной форме уже указывается на аспект видимости, присутствующий в самосанционировании.

Отметим также осуществляемое Лаканом введение Имени Отца посредством слова *Ты (Tu)*, т.е. через обращение. На страницах 178-180 Семинара Имя Отца вводится как имя того, к кому обращаются, на кого можно сослаться или кого можно позвать. Это функция, но функция, которая может быть в ком-то воплощена и которая предполагает обращение к ней. Говоря иначе, это не немой Бог, не Бог отсутствующий, не Бог суровый, которого перед нами недавно воссоздал Люсьен Гольдман, а означающее, к которому можно обратиться. И когда обращение оказывается напрасным, то есть остается без ответа, именно тогда, согласно Лакану, и развязывается психоз.

2. Теория измерения

Я хотел бы обратить ваше внимание на один из абзацев на странице 180, в котором Лакан говорит об Имени Отца и о месте Другого как об измерении, которое воплощается в лицах, представляющих собой основу авторитета: «Важно одно – чтобы субъект приобрел, неважно каким образом, измерение Имени Отца». В данном случае я подчеркиваю понятие «измерение» Имени Отца, что предполагает наличие именно измерения, а не какого-либо лица. Термин «измерение» может показаться несколько туманным, но в содержании Семинара есть много всего, что поможет нам сделать его более точным. Особенно стоит отметить, что мы начинаем лучше понимать, как использовать достаточно сложные указания, приводимые в *Ecrits*. В конечном счете, они

начинают сильно отличаться от значительно более ясной конструкции, предназначенной для использования в Семинаре.

Теперь нам предстоит, основываясь на указаниях Лакана, выстроить элементы некоей теории измерения. Термин отсылает нас к последнему периоду творчества Лакана, когда он использует неологизм *la dit-mantion*³¹ – «обитель высказывания», который, будучи упрощен, означает уровень высказывания.

Мы встречаем этот неологизм на страницах 547-548 *Ecrits*, когда Лакан упоминает измерение *чего-то Другого* (*Autre chose*³²) в человеческой жизни. В качестве примеров он приводит желание, скуку, затворничество, протест, молитву, бдение, панику. Все это взято в контексте весьма смачных шуток мыслителей и самого мышления, что, на первый взгляд, несколько удаляет нас от темы. Однако, возвращаясь к ней на страницах 202-204 Семинара, мы, благодаря этому контексту, начинаем лучше понимать, о чем же на самом деле идет речь.

Эти страницы, на мой взгляд, очень ценны. На странице 202, в четвертой части главы «Отцовская метафора», Лакан говорит: «И поистине удивительно, что бессознательное не обнаружили раньше». Такая точка зрения изрядно отличается от более привычной, когда он объяснял вещи с точностью до наоборот, считая, что для возникновения психоанализа нужно было пережить эпоху Ренессанса. Дискурс науки был необходим, чтобы опротивела Божественная истина; надо было испытать Романтизм, счастье в преступлении и т.д. У Лакана мы всегда находим нагромождение условий, помогающих понять, почему психоанализ не мог родиться в иной момент, нежели как в конце девятнадцатого века, когда одновременно отмечались и сциентизм, и отвращение к нему. Существует даже доказательство того, почему он должен был родиться именно в Вене. В это время в столице Австро-Венгерской империи можно было наблюдать сразу разные формы имперской семейственности, уже переживающие свой закат. Это и побуждало к поиску Имени Отца, которое смогло бы удержать их от дальнейшего распада. Теперь же Лакан рассматривает все под другим углом зрения: как же так произошло, оставшись не замеченным, что человеческая жизнь полностью погружена в бессознательное, или, хотя бы, что она структурирована, исходя из *чего-то Другого*?

В *Ecrits*, на странице 548, эта мысль выражена в более изысканной форме: «Фрейд создал концептуальное соединение, о котором прежде никто и не думал, этого *чего-то Другого*, или *Другого места* (*Ailleurs*), с тем внутренним местом, присутствующим в каждом и в то же время для каждого закрытого». Фрейд поместил это *что-то Другое* внутрь. Он заставил нас заметить, что в наших собственных оговорках, в наших снах, даже в наших островах *Другое* всегда присутствовало и оставалось активным. Но, вообще-то, *это Другое*, *Другая сцена*³³, находится повсюду. На странице 202, выделяя в посвященной Шреберу статье Фрейда те строки, где он отсылает читателя к песне «Перед

³¹ *la dit-mantion* – неологизм, который можно перевести буквально как «жилище высказывания», является одновременно омофоном слова *la dimension* – измерение.

³² *Autre chose* – букв. Другая вещь, в русском издании Семинара переведено как что-то Другое, или просто Другое.

³³ «Другая сцена» – понятие, используемое Фрейдом в «Толковании сновидений».

восходом солнца» из «Заратустры» Ницше, Лакан недвусмысленно заявляет: «Замечания, подобные этому, как раз и показывают нам, что в этом *чем-то Другом* Фрейд поистине жил». Я нахожу это положение очень красивым. В то же время оно вызывает и тревогу: а я, не живу ли я сам тоже в этом «*чем-то Другом*»?

Ну, на самом деле, можно сразу же обратиться к феноменологическим примерам и даже к самим философам, занимающимся феноменологией. К этому явно и прибегает Лакан, упоминая, например, в Семинаре III момент вечернего умиротворения с его совершенно особой плотностью, когда дневные надежды уже рассеиваются, и когда каждый предмет окружающего мира начинает таить в себе собственную усталость. Он здесь позволяет родиться таким моментам существования, благодаря которым понятие *чего-то Другого* безусловно заставляет признать себя. В *Ecrits* он делает уточнение, что речь в подобных случаях не идет об обыденной ностальгии, а что здесь уже присутствует *Другое* бессознательного.

Несомненно, существует и *Другое* желания, которое становится очевидным во всех историях, связанных с остротой (*Witz*). Вы что-то спрашиваете, о чем-то просите, но на самом деле ваше желание – *что-то Другое*, и когда вам, наконец, дают то, о чем вы просили, вы все еще остаетесь озабоченными тем, что составляет ваше подлинное желание. В самом этом несоответствии присутствует деяние бессознательного.

А еще Лакан превращает скуку в одно из образований бессознательного, или, по крайней мере, видит в ней некое его измерение. Как мы видим, даже скука, со всеми сопровождающими ее тупыми импульсами, позволяет видеть в ней *что-то Другое*, а это предполагает дистанцирование относительно той инерции, которая существует в моментах настоящего.

Пробуждение ранним утром и первые часы дневного бдения ставят нас перед вопросом: «чего же мы ждем?». Когда мы, порой в сопровождении тревоги, бодрствуем, то вовсе не ждем появления солнца наперекор предоставленной ему Юмом³⁴ свободе от обязательства появляться каждый раз, ибо законы индукции не позволяют превратить его появление в неизбежность. Лакан подчеркивает: ждут вовсе не солнца, но того, что обещает принести наступающий день. Ожидают, например, хорошего случая, удачи или, напротив, готовятся встретить то, что предвещает плохой день. Уже в самом этом моменте присутствует измерение бессознательного, хотя бы потому, что мы никогда достоверно не знаем, что день грядущий нам готовит.

Затворничество... Каким образом и оно является *чем-то Другим*? Да по той причине, что не законопачиваются ведь просто в тепленьком местечке, а запираются на ключ, поскольку вокруг присутствует угроза *чего-то Другого*, угроза вторжения. Кроме того, как отмечает Лакан, вообще стоит человеку где бы то ни было появиться, он сразу же ищет, где бы ему закрыться. Не исключено, что, оказавшись посреди пустыни, он сразу установит две двери, дабы образовать между ними сквозняк. Французский юморист Ками (*Сами*) построил на этой основе забавный сюжет.

³⁴ Скорее всего, автор имеет в виду английского философа Дэвида Юма (Hume) (1711-1776).

Оставим в стороне молитву – молитву, перевоплощающую *что-то Другое* в некие воображаемые фигуры, и оставим также панику, которая четко отличается от страха. Страх, скорее, связан с затворничеством, в то время как паника – это открытость редутов перед угрозой неизбежного вторжения *чего-то Другого*.

3. Плодотворность и разрешение

Я приступаю теперь к рассмотрению третьего этапа (такта) Эдипа как фактора нового.

Лакан посвящает вторую часть Семинара знакомству читателя с текстом статьи «*Предварительный вопрос*», написанной им в течение Рождественских каникул. Он несколько усложняет ситуацию, вводя схему R и пытаясь в то же время представить своим слушателям с помощью ссылок большой граф. Его схемы не окончательны, но они показывают, каким образом схематизм предваряет те значения, которые ранее были представлены с помощью этих же схем. Несомненно, Лакан уже имел в своем распоряжении форму графа, еще не зная точно, каким образом он будет использован. Можно видеть, как в ходе Семинара он применяет и граф, и свои формулы в различных целях.

Как это расценить? Да не иначе, как урок свободы. Ничто не обладает здесь чертами догмы. Даже напротив: чтобы следовать логике Семинара, необходимо буквально иметь подготовку в области комбинаторики. В самом деле, если некому термину придается тот или иной смысл, то следующий уже нельзя наделять смыслом произвольно, хотя и тот, и другой термины можно использовать по-разному. И тогда, дабы дедогматизировать всю лакановскую перспективу, отметим, что в плане концептуального упражнения данный Семинар, очевидно, является наиболее полезным, сравнительно с любым другим.

Лакан, в частности, использует граф, чтобы найти место для своего «*Предварительного вопроса*». Он это делает на странице 220, представляя, с помощью схемы, отношения матери, ребенка и фаллоса, а также на странице 231, причем в весьма занимательной форме.

В то же самое время, следуя указаниям Лакана, я придаю особое значение представлению о трех тактах Эдипа, поскольку, вне всяких сомнений, в такого рода рассмотрении Эдипа присутствует элемент новизны. При этом я отталкиваюсь от указаний, которые нахожу на страницах 227 и 234. Лакан здесь утверждает, что он вновь, уже вторично, возвращается к изучению того, что можно назвать психогенезом. Но речь при этом идет о психогенезе лакановском, и сам Лакан испытывает некоторую неуверенность в том, какой именно статус придать предмету своего исследования. На странице 228 он отмечает: «В тех содержащих квинтэссенцию клинического опыта схемах, что были мной предложены, я пытаюсь ввести понятие о тактах. Это не обязательно такты хронологические, но суть не в этом – ведь и логические такты не могут развернуться иначе, нежели в той или иной последовательности». Самое меньшее, о чем можно говорить здесь с достаточной уверенностью, что вводится понятие о тактах и последующее определение точно очерчивает их статус, оставляя при этом место для нерешительности. Вы увидите, каким обра-

зом Лакан, в итоге, разрешает данную проблему. Окончательный вариант конструкции представлен в статье «Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда»³⁵, где он строит свой граф в три этапа. Таким образом, все преобразуется в строительство трех его этажей. В окончательном варианте удаляется психогенетический аспект (в Семинаре он все еще присутствует). Данный момент просто необходимо отметить, иначе мы обнаружим у Лакана теорию развития в структурированном виде. Остальное, казалось бы, уже было известно, но вместе с тем у меня есть чувство, что до настоящего времени мы никогда по-настоящему не рассматривали три такта тем же образом, как это проделывает Лакан.

Итак, вот они – три такта.

Первый такт – идентификация субъектом своего отражения в зеркале с объектом желания матери, т.е. с воображаемым фаллосом, что является нормальным базисным первым этапом. Совершенно очевидно, что потом субъект с этим расстанется. Но вы можете уловить в Семинаре очевидную симпатию, испытываемую Лаканом по отношению именно к данному такту. Почему? Да потому что у субъекта здесь есть то, чего он хочет. И Лакан к такому положению дел весьма расположен. Он за то, чтобы обладать тем удовлетворением, которым можно обладать. И он вовсе не говорит об идентификации с материнским фаллосом в уничижительных терминах, а, скорее, как о достаточно ценном периоде развития.

Фаллическая идентификация обладает всеми причитающимися ему достоинствами. Таким образом, это этап, когда все происходящее совершается между ребенком, матерью и воображаемым фаллосом. Отец, которому в рамках этого этапа также отводится определенное место, представлен, тем не менее, завуалированно и неявно, поскольку обретается он, главным образом, в человеческом обществе. Иными словами, он присутствует во всем, что имеет отношение к человечеству, не вмешиваясь в эту хронологическую фикцию.

1. (EMф)//P

Второй такт – это когда отец лишает. Отец принимает на себя функцию того, кто запрещает и лишает, особенно в отношении матери. Этому такту отдавали свои симпатии все комментаторы теории, исключая самого Лакана, который находил его несколько черствым. Данный этап, конечно же, необходимо пройти, но сам по себе он не отличается богатством потенциальных возможностей. Все комментаторы обожали лакановского отца, который появляется, ударяя по столу кулаком и восклицая: «Кончено со всеми этими историями с материнским фаллосом и т.д.» Это отец, который кастрирует мать. Обратите внимание на страницу 223: «Отец всемогущий, всесильный – это тот отец, который лишает» и т.д.

Отец лишающий, отец, который говорит «нет», вмешивается, прежде всего, благодаря посредничеству речи матери, но главным образом в качестве речи отца. Он вмешивается, следовательно, с появлением символического порядка.

³⁵ «Subversion du sujet et du desir dans l'inconscient freudien» (1960), Ecrits.

2. отец-который-говорит-нет

Третий такт – противоположность отцу лишаящему. Это уже отец, который обладает, который дает и который доказывает свое могущество. На данном этапе отношения между матерью и отцом переходят в реальный план. Такое представление имеет далеко идущие последствия. Наступит момент, когда Лакан скажет: фаллос – категория исключительно символическая, иначе все бы прекратилось, за неимением враждующих сторон. Таким образом, он придает очень четкий статус такого рода возвращению в Реальное. Он не останавливается на фикциях Символического. Именно такой отец интересуется Лакана – отец, который обладает и который дает, в том числе и обещание на будущее. Этот такт назван Лаканом плодотворным.

3. Р

На странице 234 мы находим весьма интересное рассуждение относительно второго такта. Подтверждая, что, в сравнении с первым, богатым тактом, он предоставляет для развития ребенка существенно меньше потенциальных возможностей, Лакан подчеркивает, что это не умаляет его значения. Дело в том, что «именно к нему в конечном итоге сводится суть того, что называем мы в Эдиповом комплексе моментом лишения. Лишь после того, как ребенок окажется согнан, для его же вящего блага, с той идеальной позиции, которой и он, и мать могли бы удовлетворяться», может установиться третий тип отношений, следующий такт, являющийся столь же плодотворным, что и первый.

«Плодотворность» – позитивное в Семинаре. Речь идет о том новом, что действительно помогает продвигаться вперед. В данном случае речь, конечно, не идет об отцовском «нет», которое остается лишь условием, позволяющим установиться третьему этапу.

Далее Лакан воспевает отцовскую идентификацию идеала Я и средствами загадочной лексики старается прояснить женскую позицию (с.225): «Для женщины Эдипов комплекс разрешается по-иному. Третий этап оказывается для нее гораздо проще. Ни в идентификации, ни в сохранении прав на мужественность женщина не испытывает нужды. Зато она знает, где он; она знает, куда пойти, чтобы его взять; и, зная, что это имеется у отца, она и идет к тому, у кого он есть».

Таким образом, в этой нашей попытке расставить все по своим местам необходимо выделить и третий, женский, такт, суть которого Лакан решительно отличает, скажем, от материнства. Он находит причитающееся ему место, исходя из представлений не о матери, а о настоящей женщине (*vraie femme*), знающей, куда пойти, «чтобы его забрать». Вот почему Лакан, помимо прочего, говорит здесь в терминах измерения: «Это говорит еще и о том, в каком отношении женственность, настоящая женственность, всегда имеет, до известной степени, измерение алиби».

Кроме того, в третьем такте затрагивается и вопрос о *чем-то Другом*.

«Настоящие женщины – в них всегда присутствует немного потерянности»³⁶. Я не стану развивать эту, пожалуй, слишком заманчивую тему, поскольку далее Лакан показывает, что эта потерянность, несомненно, обязана своим существованием тому факту, что, напротив, настоящие женщины вовсе не потеряны, то есть они знают, куда нужно идти, «чтобы его взять». И именно ввиду наличия этой уверенной ориентировки парадоксальным образом возникает аспект потерянности. Мы встретим тот же самый подход к вопросу в более поздние годы в «Телевидении»³⁷: «Женщины безумны, т.е. они не безумны во все»³⁸.

Впрочем, все это вы обнаружите в обобщенной форме на странице 226, в конце десятой главы, где говорится: «Только в той мере, в какой все это осуществлено, и может быть пройден третий такт Эдипа – этап идентификации, на котором мальчику предстоит идентифицировать себя с отцом как обладателем пениса, а девочке – признать в качестве обладателя пениса мужчину». В основе своей, это и есть третий лакановский такт.

Затем Лакан пытается расположить три такта на своем графе. Весьма занимательно наблюдать, каким именно образом он начинает с нижней части, а затем всякий раз поднимает пункты своего графа на одну ступеньку вверх, принимая во внимание его структурное устройство.

Лакан ставит здесь ударение на позитивной стороне, то есть вовсе не на «нет-нет-нет», а на моменте *licet* – «это позволено» (что вы обнаружите в названии его журнала *Scilicet*, которое он сам пожелал ему дать). Имеется в виду, прежде всего, позволение знать. Но вместе с тем это и своего рода *licet habere* – позволение обладать. А также здесь присутствует *habeas phallus*, скажем так, парафразируя выражение *habeas corpus*. Всем этим Семинар буквально лучится: позволение, данное при удачных обстоятельствах, – именно оно является фундаментальным понятием лакановской теории, а вовсе не запрет.

Лакан далек от того, чтобы быть идеалистом. Отметим страницу 237: «Фаллос на уровне матери не является объектом чисто воображаемым – это еще и нечто такое, что выполняет свою функцию на уровне инстинкта, функцию инструмента, который находится у этого инстинкта на службе. Это, если позволено мне будет так выразиться, *инъектор*». А рядом с *инъектором*, то есть объектом введенным, он выделяет и *адъектор* (то, что приставлено – *Прим. пер.*), являющийся воображаемым фаллосом, которого женщина была лишена.

Вообще-то, эти термины не представляют сами по себе особой ценности, по крайней мере, я так считаю. Важными являются вовсе не сами используемые Лаканом термины, а то различие, которое он между ними устанавливает. Воображаемый фаллос, которого женщина будет лишена, полностью отличается от того, которым она будет обладать практически. А *адъект*, скорее,

³⁶ В русском издании Семинара: «Настоящие женщины – в них всегда есть что-то шальное».

³⁷ Ж. Лакан, «Телевидение», М.: Гнозис/Логос, 2000. Пер. А. Черноглазова.

³⁸ «Les femmes sont folles, c'est-a-dire pas folles-du-tout». Здесь можно уловить игру слов и попытаться перевести данную фразу и следующим образом, что, по мнению переводчика, будет соответствовать контексту: «Женщины безумны, т.е. не они не безумны-от-всего».

представляет собой то, что мешает доступу к *инъектору*. Итак, мы имеем здесь дело с двумя установленными позициями фаллоса для женщины, вводя, тем самым, до сих пор еще не исследованную диалектику: то, чего ей не хватает, не является тем, чем она может обладать.

4. Гомосексуалист и женщина как объект (*l'objet feminin*)

Для завершения своего очередного маневра в комментировании я приглашаю вас обратиться к странице 239, начиная с которой, следуют несколько страниц, посвященных гомосексуалистам.

Андре Жид и гомосексуальность

Лакан размещает несчастный случай, который способствует возникновению гомосексуализма, на уровне второго такта Эдипа. Он связывает мужскую гомосексуальность с дисфункцией второго такта, в результате которой отцовское имя не может функционировать, и, соответственно, не может завершиться сепарация ребенка от матери, а также разрушение воображаемого пленения ребенка фаллосом, являющимся здесь объектом желания матери.

В то же самое время Лакан отмечает, правда, не развивая эту мысль на данных страницах, что, с его точки зрения, отношения гомосексуалиста-мужчины с женщиной как с объектом (*l'objet feminin*) далеки от того, чтобы быть упраздненными. Напротив, они очень глубоко структурированы.

Разбираемая часть Семинара, посвященная мужской гомосексуальности, должна быть рассмотрена в контексте ее связи с построениями, совершаемыми Лаканом в главе XIV. Но наиболее полное объяснение того положения, согласно которому отношения гомосексуалиста с женщинами глубоко структурированы, мы находим разве что на страницах 298 и 303, посвященных Андре Жиду.

Касательно первого пункта, Лакан на этих страницах делает уточнение, раскрывая, в чем же именно заключаются дисфункции второго этапа, непосредственно связанные с появлением мужской гомосексуальности. При этом мы должны помнить, что отношения каузальности Лакан всегда воспринимал с достаточной осторожностью. Дисфункция – это, по сути, переворачивание отцовской метафоры: мать, которая устанавливает закон для отца. В тот мигомлетный и переходный момент, называемый им решающим, когда отец в рамках этой логической хронологии мог бы вмешаться в развитие своего ребенка в качестве отца лишаящего, его операция лишения терпит неудачу. И тогда заключением второго этапа становится следующее: именно мать *им* (фаллосом – *Прим. пер.*) обладает.

В том же самом регистре Лакан располагает и следующее условие, не устанавливая, правда, при этом простых отношений причинности: «когда отец слишком любит мать». Конечно же, отмечает он при этом, во всех случаях, когда отец «слишком любит мать» (в кавычках), мужская гомосексуальность не возникает.

Посредством полярного понятия мы получаем уточнение относительно образа отца у Лакана, касающееся (по крайней мере, в рамках своей функции) занимаемой им позиции автономности. Да и, кроме того, вспомним все ос-

тальное, что приписывается Имени Отца, – самосанкционирование, независимость... И все это по отношению к писаному правилу.

Известно также, исходя из сказанного, об идентификации гомосексуального субъекта с матерью. В той мере, в какой мать обладает, она является и сильной, не позволяя пошатнуть свои позиции. Женщина, о которой идет речь, демонстрирует свою силу, свое могущество и на этой основе обеспечивает идентификацию мальчика с собой.

Тем же самым образом Лакан выводит и смысл требования гомосексуалиста к партнеру: поскольку отец гомосексуалиста полностью подчинился закону, установленному для него матерью, или оказался слишком зависимым от любви к ней и тем самым попал под подозрение, что у него *ego* (фаллоса) нет, партнер должен показать то, чем он обладает.

Отсюда Лакан выводит следующее положение: если и существует страх женского органа, то это связано с тем, что женский орган поглотит фаллос.

Кристаллизация идентификаций

Схема R (с.261) позволяет определить место третьего этапа Эдипа. На самом деле, как это и представлено в Семинаре, она воспроизводит трехчлен – мать-отец-ребенок вместе с четвертым пунктом – фаллосом. Кроме того, добавляются и находящиеся в корреляции с ними воображаемые пункты, которые были известны у Лакана под различными именованиями (a , a' , $i(a)$ и m). В данном случае таковыми выступают m и i , которые расположены симметрично относительно пункта M , принадлежащего Матери (*mere*), а также относительно пункта I , соответствующего Идеалу Я, но который заменен теперь ребенком – E (*enfant*).

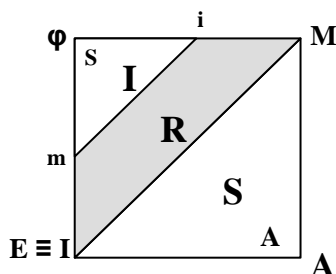

Рис.5

Я хотел бы привлечь ваше внимание к вектору, на котором разворачивается в конечном итоге хронология Эдипа – от m к I , притом, что в то же самое время что-то происходит и на векторе i - M . Эти две части схемы взаимосвязаны и представлены помимо всего прочего и в лакановских *Ecrits*: различные воображаемые фигуры, участвующие во взаимоотношениях с матерью, и различные идентификации, являющиеся собственно означающими, проделывающие свое развитие под взглядом и при участии отца, вплоть до окончательной их кристаллизации в отцовской идентификации с Идеалом Я.

В том, что касается установленной Лаканом параллели между идентификацией Я и идентификацией Идеала Я, Семинар оказывается гораздо более ясным, чем *Ecrits*. В нем Лакан объясняет путь, который ведет от основной идентификации Я, то есть от первичного образа, *Urbild* Я, до окончательной

идентификации Идеала Я. Несмотря на то, что линия $m-I$ в схеме очень коротка, она, тем не менее, обобщает в себе важнейшие моменты жизни субъекта. Наиболее ясно все это представлено на страницах 259-261, где вы обнаруживаете поразительное резюме статьи «Стадия зеркала»³⁹. Причем здесь отношения между Я и другим рассматриваются вовсе не как подвижные и ненадежные, но как позволяющие возникнуть решающей кристаллизации Я. И все то, что происходит на этом маленьком упоминавшемся нами векторе, отмечено для Лакана прогрессом и культурой. Путь от *Urbild* Я до Идеала Я есть не что иное, как линия конструирования реальности для субъекта. Четкое определение *Urbild* вы находите на странице 260.

Вектор $i-M$, несомненно, выглядит намного более противоречиво: речь здесь идет о фигурах воображаемого другого, которые, как утверждает Лакан, иллюзорны, завлекательны и обманчивы. Таким образом, позитивная сторона процесса конструирования находится между m и I . Все это вводит представление о Я как о том, что возникло, по сути дела, из образа, но в итоге оказалось схваченным в качестве означающего. Об этом мы читаем на странице 227: Я – не только лишь воображаемый элемент, оно также захвачено символическим регистром и вписано в него.

Воображаемое оборачивается к Символическому

Но далее Лакан не будет поддерживать данную конструкцию в том состоянии, как она есть. С чем же связано то, что мы имеем перед собой именно эти наброски лакановской конструкции? Дело в том, что весь Семинар посвящен движению, связанному с переводом Воображаемого в Символическое. Это одна из его основных движущих сил. Лакан обращает в сторону Символического целую кучу элементов, которые ранее были им введены в качестве воображаемых. В частности желание, которое до сего времени определялось уловками Воображаемого, теперь, в ходе Семинара, становится метонимией означающей цепочки, то есть находит свое определение в Символическом. Все это настолько ярко выражено, что я даже назвал главу XII «От образа к означающему», поскольку в ней мы наблюдаем этот грандиозный поворот к символизации всевозможных, ранее им самим предложенных элементов. В данной главе Лакан даже повторно рассматривает некоторые элементы «Стадии зеркала», чтобы показать их символический характер. Мы уже привыкли иметь дело с парой $a-a'$, но теперь он нам показывает характерную для нее асимметрию. С одной стороны, здесь представлен воображаемый другой, но в то же время находит отражение и то, что происходит со стороны субъекта, со стороны его Я. И последнее становится элементом, представляющим собой означающее.

Так мы сталкиваемся с требованием логики, заложенной в самой конструкции Лакана, что и объясняет, почему E ребенка (*Enfant*) в конечном итоге оказывается замещенным I Идеала Я (*L'Idéal du moi*). Здесь-то и происходит новое. Именно на этом маленьком векторе возникают последовательные кри-

³⁹ Жак Лакан, «Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я», напечатано на русском языке в качестве приложения к Семинару II.

сталлизации идентификаций, то есть, буквально, преодоления, которые всеми теми, кто наблюдает за ребенком, интерпретируются вновь и вновь повторяемой фразой: «Он больше не такой, каким был прежде». Лакан размещает здесь ключевые точки (*les points de captation*) развития ребенка и подростка.

Формирование Идеала Я он относит к достаточно поздним периодам развития. Например, в случае Андре Жида (во всяком случае, так это представлено в Семинаре) Лакан заключает, что его Идеал Я был сформирован не ранее, чем мальчику исполнилось тринадцать-четырнадцать лет. Рассматривая вопрос, уже более глубоко, в своих *Ecrits*, он отодвигает этот срок к двадцатилетнему возрасту. А для Гете понадобилось проделать весь этот путь еще раз, дабы хоть как-то одолеть задачу построения Идеала Я.

Либо Идеал Я, либо перверсия

Да, именно на этом векторе располагается все то, что, тем не менее, не находится в плену у повторения раннего опыта (*la repetition du primordial*). И именно здесь Лакан пытается найти место для новых, происходящих по ходу жизни встреч. Например, в случае Андре Жида он допускает, что случайные встречи с тетей и кузиной, произошедшие в тех или иных обстоятельствах, когда ему было тринадцать лет, могут играть роль фиксаций в процессе формирования его Идеала Я.

Мы с вами имеем дело с такой областью психоанализа, которая не связана исключительно с повторением раннего опыта и в которой допускается, что более поздний опыт может способствовать образованию очень глубоких фиксаций, при случае оказывающихся решающими. Таковы замечания, представляющие значительный интерес при лечении как детей, так и подростков.

Позже Лакан уже не будет делать тот же самый акцент. Он наплюет на *Urbild* Я, считая, что такого рода описание портит все дело.

Нам необходимо исследовать все эти вариации. Очевидно, в ходе развития своего учения Лакан пришел к воззрению, намного более пессимистическому, чем было представлено выше. Он стал придавать гораздо большее значение повторению раннего опыта наслаждения, по сравнению с последующими модификациями, в то время как в Семинаре все еще присутствует открытость для нового опыта, так отвечающая присущей ему манере завоевателя в психоанализе. И мы не можем отказать себе в удовольствии проводить эти параллели.

Например, на странице 228 вы встречаете означающее, которое имеет буквально освобождающее значение. Оно связано с тем, чего пока не существует, благодаря чему оно и расширяет возможности опыта.

Лакан приходит к этой почти математически выстроенной формуле, суть которой заключается в утверждении, что на одном и том же месте возникает либо Идеал Я, либо перверсия. Он показывает, что все, оказавшее решающее влияние на занимаемую в конце Андре Жидом позицию, связано с его идентификацией с нежеланным ребенком, что не позволяет ему идентифицироваться с тем, кого желают. Таким образом, не имея такой возможности, он принимается сам желать маленьких мальчиков. За неимением возможности стать самому желанным маленьким мальчиком, он будет желать маленьких

мальчиков, подобных себе.

Читая эти страницы, мы и понимаем, до какой степени, согласно Лакану, гомосексуалист мужского пола обладает структурированными отношениями с женщиной как с объектом. В конце концов, Лакан высказывает следующую мысль: Андре Жид является первертом вовсе не потому, что желает маленьких мальчиков, а поскольку не может обойтись без своей женщины. «Перверсия, свойственная Андре Жиду, обусловлена, главным образом, вовсе не тем, что он не способен желать никого, кроме мальчиков (исключая того мальчика, которым некогда был он сам, *i*). Перверсия его состоит в том, что сформироваться он может лишь в месте, занятом его двоюродной сестрой, что он станет тем, чьи мысли заняты единственно ею, тем, кто буквально на каждом шагу отдает ей все то, чего у него нет, но не более того». Иначе говоря, он не дает того, что имеет. То, что он имеет, он отдает маленьким мальчикам, дабы они из этого сделали себе игрушки.

Лакан не произносит слова «перверсия» в своих *Ecrits*, но он его произносит здесь, и располагает точно на уровне этой абсолютной зависимости от единственного объекта-женщины.

Перевод с испанского – Р.Акопян